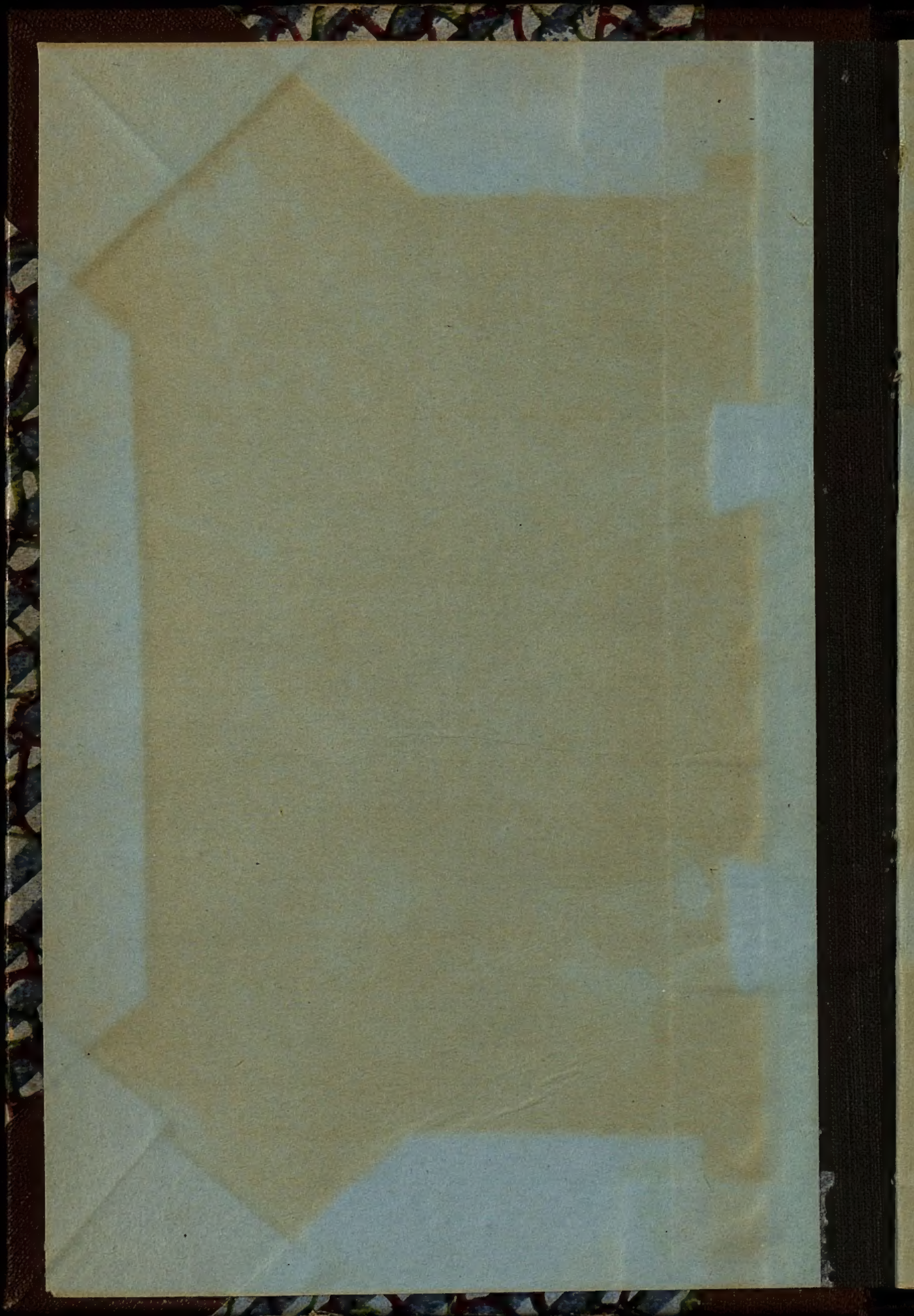

2 Mk.

Собранiе лучшихъ русскихъ произведенiй.

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНIЕ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ 9-го ЯНВАРЯ 1905 г.

Der 9. Januar 1905. Le 9 Janvier 1905.

БЕРЛИНЪ. Charlottenstr. 2. BERLIN SW.
Изданiе Гуго Штейница. Hugo Steinitz Verlag.
1906. 1906.

Часть 126. Мар. 1,60.

Народное движеніе

въ Петербургѣ 9-го января 1905 г.

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ
9-го ЯНВАРЯ 1905 г.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
Шарлоттенштрассе 2.

Прошелъ годъ съ того дня, но кажется, что онъ уже давно отошелъ въ исторію: столько было пережито за это время русскимъ обществомъ и русскимъ народомъ. Текущія событія, одно знаменательнѣе и ярче другого, захватываютъ общее вниманіе и многимъ кажется, что теперь не время оглядываться на недавнее прошлое и разбираться въ накапливающихся историческихъ матеріалахъ. Русское общество, не только въ провинціи, но и въ С.-Петербургѣ, гдѣ разыгралась народная драма 9-го января, не ознакомлено вполнѣ съ характерными и наиболѣе поучительными сторонами ея и не представляетъ себѣ всего ея значенія въ томъ историческомъ процессѣ, который перерабатываетъ старую Россію въ иную, будущую Россію. А между тѣмъ это значеніе событій 9-го января неизмѣримо велико. Въ этотъ день совершился

мгновенный и великій переворотъ въ душѣ и понятіяхъ столичной рабочей массы. Съ этого дня не избранные борцы только, не вожаки, не партійные люди, но именно масса, до тѣхъ поръ наивная, поняла, что „добиться правды“ въ Россіи можно только путемъ борьбы. Русская революція перестала быть достояніемъ сознательныхъ верховъ и стала разливаться по всей странѣ, переходя въ глубокое стихійное движеніе.

Предлагаемый очеркъ является попыткою передать событія 9-го января въ связи съ подготовившимъ ихъ безпартійнымъ „гапоновскимъ“ движеніемъ петербургскихъ рабочихъ. Документы, по которымъ написанъ этотъ очеркъ, — около 300 записей, по опроснымъ листкамъ, участниковъ и свидѣтелей январьскихъ событій, — собраны были трудами возникшей послѣ 9 января „анкетной комиссіи“ — изъ представителей разныхъ профессій, вошедшихъ позднѣе въ „Союзъ Союзовъ“. Матеріалы эти были отчасти дополнены и провѣрены авторомъ настоящаго очерка посредствомъ личнаго опроса нѣсколькихъ десятковъ свидѣтелей изъ интеллигенціи, а также рабочихъ, стоявшихъ въ центрѣ дви-

женія. Нечего и говорить о томъ, что очеркъ этотъ далеко не полонъ, но за то въ немъ нѣтъ ни одной сочиненной строчки: все, не исключая красочныхъ подробностей, почерпнуто изъ означенныхъ источниковъ.

I.

Еще не пришло время говорить о сложной личности главнаго героя и виновника январьскихъ событій, Георгія Гапона, и разбираться въ планахъ и настроеніяхъ сплотившейся вокругъ него группы сознательныхъ рабочихъ. Но нѣкоторые факты, относящіеся къ подготовительному періоду движенія, твердо установлены и могутъ быть преданы гласности уже теперь. Священникъ Пересыльной тюрьмы Георгій Гапонъ, для начала своей дѣятельности, воспользовался „зубатовскими“ начинаніями русскаго правительства. Въ октябрѣ 1903 г. онъ утвержденъ былъ предсѣдателемъ только что основаннаго передъ тѣмъ „Общества русскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ“ и почти до конца поддерживалъ сношенія съ Охраннымъ Отдѣленіемъ, ввѣрившимъ ему судьбы петербургскихъ рабочихъ. Первоначальные сотрудники Гапона не имѣли

опредѣленной политической окраски, а нѣкоторые изъ нихъ не безъ основанія могли считаться „зубатовцами". Дѣятельность первыхъ „отдѣловъ", открывавшихся въ разныхъ частяхъ города въ теченіе 1904 г., имѣла сначала вполнѣ невинный характеръ: члены общества, допускавшіеся туда сначала по рекомендаціи двухъ членовъ, съ извѣстнымъ вступнымъ и затѣмъ ежемѣсячнымъ взносомъ, собирались въ „отдѣлы" для отдыха, для бесѣды о своихъ нуждахъ, для выясненія средствъ взаимопомощи. Въ отдѣлахъ были библіотеки. Тамъ же устраивались, время отъ времени, платные музыкальные и танцовальные вечера, привлекавшіе въ собранія и женщинъ. Дѣлами собраній завѣдывали выборные изъ рабочихъ. Рабочіе, находившіеся подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ революціонныхъ партій, относились къ гапоновскимъ начинаніямъ недовѣрчиво, и наименованіе „зубатовщины" примѣнялось къ нимъ даже среди мало-сознательной массы. Мало-по-малу Гапонъ сталъ сближаться съ наиболѣе сознательными рабочими изъ отдѣловъ. Въ большинствѣ случаевъ это были люди, прошедшіе партійную школу, но по тѣмъ или другимъ причинамъ

не примкнувшіе къ партіямъ. Осторожно, но чрезвычайно настойчиво, не жалѣя времени и вниманія, Гапонъ подбиралъ себѣ кружокъ такого рода приближенныхъ и товарищей, составившихъ для него, въ концѣ концовъ, вполнѣ надежную опору и самоотверженно работавшихъ вмѣстѣ съ нимъ для осуществленія общаго плана.

Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы такъ или иначе расшевелить всю рабочую массу, не поддающуюся воздѣйствію конспиративныхъ дѣятелей, поднять ее на борьбу за свои человѣческія права, за свои экономическіе и политическіе интересы. Нѣкоторые изъ наиболѣе развитыхъ рабочихъ, приближенныхъ Гапона, почти до самаго конца не могли побѣдить въ себѣ какой-то опасливости, въ связи съ вопросомъ объ его отношеніи къ Охранному Отдѣленію, но онъ постепенно побѣждалъ это недовѣріе личнымъ обаяніемъ, искреннимъ товарищескимъ тономъ въ обращеніи и широтою тѣхъ плановъ, которые онъ довѣрялъ близкимъ и которые онъ выковывалъ совмѣстно съ ними иногда въ долгихъ разговорахъ съ глазу на глазъ, иногда въ общихъ собраніяхъ кружка, разросшагося къ

концу 1904 г. приблизительно до 80 человѣкъ. Среди этого кружка были восторженные, страстно преданные ему люди, готовые пойти за него въ огонь и въ воду.

Со второй половины 1904 г., когда, послѣ смерти Плеве, зашевелилось все русское общество, дѣятельность Гапона и его кружка въ отдѣлахъ приняла болѣе широкій характеръ. Руководители отдѣловъ стали затрогивать общіе политическіе вопросы, подходя къ нимъ со стороны, наиболѣе доступной для малосознательной массы. Одинъ изъ рабочихъ, участникъ январьскаго движенія, пишетъ о характерѣ собраній за это время такъ: „Говорили все больше объ нуждахъ и интересахъ народа, еще говорили и о политической сторонѣ, какъ образованье и пр., но очень мало. Ежели же находились люди, которые, не вытерпѣвъ, начинали говорить все поголовно, такихъ людей черезъ два дня забирали и сажали въ казематку". Дѣйствительно, въ собраніяхъ присутствовали полицейскіе — иногда „переодѣтые", и весьма возможно, что партійнымъ или вообще наиболѣе рѣзко выступавшимъ ораторамъ приходилось потомъ расплачиваться за горячія

рѣчи. Но такіе случаи были, несомнѣнно, исключеніями: полиція, присутствуя въ этихъ разрѣшенныхъ собраніяхъ и въ общемъ будучи сама склонна считать ихъ „зубатовскими", недоумѣвала и бездѣйствовала.

Въ общемъ, однако, какъ уже сказано, пропаганда велась въ собраніяхъ сначала чрезвычайно сдержанно и осторожно. Самъ Гапонъ и дѣятели отдѣловъ читали вслухъ и объясняли легальныя газеты, замѣтно оживившіяся въ то время, — главнымъ образомъ „Наши дни" и „Нашу Жизнь". Когда съ ноября начался періодъ общественныхъ резолюцій, въ собраніяхъ читались и обстоятельно истолковывались эти резолюціи. Собранія становились все болѣе популярны. „Рабочіе къ собранію относились съ любовью, — пишетъ одинъ изъ свидѣтелей, — и говорили, что ежели они больше будутъ ходить и, наконецъ, соберется большая масса членовъ, то они могутъ что нибудь сдѣлать въ свою пользу". О методѣ, какимъ руководители „отдѣловъ" подводили массу къ политическимъ вопросамъ, даютъ представленіе слѣдующія безхитростныя строки изъ анкетныхъ документовъ: „Многіе говорили раньше, что нужно

сначала выхлопотать экономическую сторону, а ужъ потомъ и политическую; но когда имъ разъясняли, что имъ не дадутъ всего, а ежели дадутъ, то послѣ все равно отнимутъ, то всѣ большею частью соглашались на это. Гапонъ говорилъ все, что могъ, чтобы уговорить и показать рабочему правую сторону, и за это народъ называлъ его: одинъ нашъ батюшка такой, а то всѣ негодяи“.

II.

Къ концу ноября дѣятельность Гапона и его помощниковъ пріобрѣла уже характеръ систематической пропаганды. Въ кружкѣ его исподволь вырабатывались резолюціи, обобщающія требованія рабочаго класса и связывающія ихъ съ общеполитическими требованіями, выставленными земскимъ съѣздомъ 6—9 ноября и интеллигенціей. Въ это время Гапонъ, несомнѣнно, искалъ связей съ интеллигенціей, поддержки и помощи съ ея стороны, обращался за совѣтами даже къ нѣкоторымъ представителямъ литературы и открывалъ двери своихъ маленькихъ домашнихъ собраній для заслуживающихъ довѣрія лицъ. Вотъ запись, сдѣланная нами въ свое время со словъ одного такого лица: „Въ послѣднихъ числахъ ноября я, съ четырьмя другими лицами, заинтересовавшись дѣятельностью Га-

пона въ обществѣ русскихъ фабричныхъ рабочихъ, была у него на дому на собраніи депутатовъ имѣвшихся тогда пяти отдѣловъ. Онъ жилъ въ маленькой скромной квартирѣ на Петербургской сторонѣ. Разсматривая уставъ общества, мы обратили вниманіе на сомнительные по духу параграфы его. Гапонъ сказалъ, что это только ширма, что настоящая программа общества иная, и попросилъ рабочаго принести выработанную ими резолюцію политическаго характера. Уже тогда было ясно, что эти резолюціи совпадаютъ съ резолюціями интеллигенціи. Гапонъ не только ничего не имѣлъ противъ участія въ его дѣлѣ интеллигенціи, но желалъ этого и подчеркивалъ тождественность требованій. Посѣтители говорили, что уже пришло время рабочимъ выступать съ резолюціей. Гапонъ былъ другого мнѣнія. Онъ говорилъ: время еще не пришло; я долженъ еще расширить свою дѣятельность и кромѣ того нужно ждать какого-нибудь внѣшняго событія; пусть падетъ Портъ-Артуръ“. Отмѣтимъ, что Гапонъ, — по показаніямъ нѣкоторыхъ изъ его сотрудниковъ-рабочихъ, — проявлялъ эту осторожность и сдержанность желанія какъ слѣдуетъ

подготовить массу, до самыхъ послѣднихъ дней декабря, и только настойчивые совѣты приближенныхъ не упускать благопріятнаго момента побудили его перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Что касается сношеній его съ интеллигенціей, то нужно сказать, что они почти ни къ чему не приводили, и за отдѣльными, очень немногими исключеніями, скоро обрывались: интеллигенція — и партійная, и внѣ-партійная не могла разгадать сложной личности священника Гапона и превозмочь своихъ сомнѣній. Слова „зубатовщина", „провокація" оставались у всѣхъ на устахъ — вплоть до 9-го января. Отношеніе къ Гапону и къ „Обществу русскихъ ф.-з. рабочихъ" со стороны власти давало пищу этимъ сомнѣніямъ. Дѣйствительно, власти продолжали довѣрять Гапону и „поддерживали" его. Такъ, въ началѣ декабря, на открытіи VII отдѣла Общества, на Шлиссельбургскомъ трактѣ, присутствовалъ градоначальникъ Фуллонъ, обратившійся къ рабочимъ съ сочувственною рѣчью. Рѣчь эта передается нами на основаніи нѣсколькихъ чрезвычайно сходныхъ между собою записей очевидцевъ — шлиссельбургскихъ рабочихъ. Одна изъ

записей гласитъ такъ: „Первымъ долгомъ, какъ первое лицо, г. градоначальникъ сказалъ рѣчь, въ которой говорилъ такъ, что всегда радъ и будетъ помогать рабочимъ во всякое время и желаетъ, чтобы рабочіе могли бы всегда одерживать верхъ надъ капиталистами и всегда добиваться того, чего они желаютъ. А онъ всегда сторонникъ народа, всегда готовъ помочь имъ въ ихъ интересахъ и нуждахъ“.

Съ начала декабря дѣятельность Гапона идетъ ускореннымъ темпомъ. Отдѣлы открываются въ разныхъ частяхъ города одинъ за другимъ. Послѣднимъ, въ самомъ концѣ декабря, открывается отдѣлъ въ гавани. Къ началу января имѣется, такимъ образомъ, 11 отдѣловъ общества: 10 въ С.-Петербургѣ и одинъ въ Колпинѣ. Наряду съ мужскими и смѣшанными собраніями въ нихъ устраиваются и спеціально женскія собранія, имѣющія цѣлью дать нѣкоторую общественную и политическую подготовку женщинамъ, сильно отстающимъ отъ мужчинъ въ этомъ отношеніи. „Если женщины не будутъ вовлечены въ движеніе, не будутъ помогать, то онѣ будутъ мѣшать ему“, — такъ разсуждалъ Гапонъ и

депутаты-рабочіе. Гапонъ самъ открываетъ эти женскія собранія. Предсѣдательствуетъ на нихъ и ведетъ ихъ одна выдающаяся по уму и развитію женщина, К., жена рабочаго, бывшая ткачиха. Женскія собранія имѣютъ своихъ секретарей, тоже изъ женщинъ, которыя составляютъ протоколы бесѣдъ.

Однако, въ этотъ періодъ, предшествующій январьскому взрыву, Общество, со всѣми его отдѣлами, насчитываетъ лишь нѣсколько тысячъ членовъ и носитъ закрытый характеръ. Широкія массы судятъ о немъ по наслышкѣ, по перекрещивающимся отзывамъ людей, близкихъ къ дѣлу, увлеченныхъ имъ съ одной стороны, и недовѣрчивыхъ, предостерегающихъ противъ Общества партійныхъ работниковъ, съ другой. Несомнѣнно, впрочемъ, что нѣкоторые рабочіе съ партійной окраской входили въ Общесто, какъ члены, и содѣйствовали въ немъ политической пропагандѣ. Но общій характеръ движенія, развивающагося въ Обществѣ и постепенно переходящаго за его стѣны, былъ все-таки безпартійный. Широкая масса относилась къ представителямъ партій, и быть можетъ даже вообще къ интеллигенціи, съ нѣкоторымъ недовѣріемъ.

Вотъ характерная простодушная запись одного рабочаго съ Шлиссельбургскаго тракта въ отвѣтъ на вопросъ анкетнаго листа объ участіи въ движеніи интеллигентныхъ партійныхъ работниковъ: „Они говорили, что всѣ стараются, что всѣ они помогаютъ намъ, они люди ученые, знаютъ, что дѣлаютъ. Но какъ-то враждебно смотрѣли на нихъ, сами не зная, за что".

III.

Есть всѣ основанія думать, что „Собраніе русскихъ ф.-з. рабочихъ“ сыграло очень существенную роль въ самомъ возникновеніи общей январьской забастовки: оно подготовило въ довольно широкихъ кругахъ рабочаго класса сознательное недовольство существующимъ положеніемъ вещей и съ самаго начала поддержала первыхъ протестантовъ и самую мысль о забастовкѣ. Одинъ изъ рабочихъ Шлиссельбургскаго тракта говоритъ объ этомъ такъ: „Мысль о забастовкѣ явилась у рабочихъ благодаря рѣчамъ, которыя говорились въ Собраніи, гдѣ стали открыто высказывать про всѣ злодѣянія существующаго порядка“ . . . Другой документъ анкеты, составленный на основаніи коллективнаго опроса 28 рабочихъ съ разныхъ фабрикъ и заводовъ Шлиссельбургскаго тракта, говоритъ объ этомъ въ

слѣдующихъ словахъ: „Толчокъ къ забастовкѣ былъ данъ Собраніемъ, послѣднимъ же поводомъ была забастовка на Путиловскомъ заводѣ. 28 декабря въ городѣ было собраніе представителей отъ всѣхъ отдѣленій (280 человѣкъ), и Гапонъ предложилъ выступить на болѣе широкую арену дѣятельности". Какъ уже было сказано выше, рѣшимость эта созрѣла въ немъ благодаря настояніямъ кружка наиболѣе близкихъ ему рабочихъ.

29-го декабря директору Путиловскаго завода — Смирнову явилась депутація изъ 4 лицъ отъ „Собранія русскихъ ф.-з. рабочихъ", съ цѣлью указать ему на дѣйствія одного мастера, несправедливо уволившаго съ завода нѣсколькихъ рабочихъ. Такая же депутація, и съ тою же самой цѣлью, была отправлена „Собраніемъ" къ градоначальнику и къ старшему фабричному инспектору. Ходатайства ихъ не имѣли успѣха, и 3-го января заводъ прекратилъ работу и приступилъ къ выработкѣ своихъ требованій. Требованія эти, сводившіяся сначала къ пріему неправильно уволенныхъ рабочихъ и удаленію ненавистнаго мастера, на слѣдующій день приняли уже общеэкономическій характеръ: въ нихъ говорилось

уже о 8 ч. рабочемъ днѣ, о постоянной комиссіи изъ выборныхъ рабочихъ для разсмотрѣнія совмѣстно съ администраціей спорныхъ вопросовъ, объ отмѣнѣ сверхурочныхъ работъ, объ установленіи нормальной зарабатной платы для мужчинъ и женщинъ, объ улучшеніи санитарныхъ условій и т. п. Движеніе въ пользу всеобщей забастовки быстро разлилось по всѣмъ главнымъ заводомъ и фабрикамъ С.-Петербурга. 4-го января было экстренное собраніе за Невской заставой и постановлено было бастовать. Однимъ изъ первыхъ сталъ Семянниковскій заводъ, имѣвшій наибольшее количество членовъ среди „Собранія", за нимъ стали другіе.

Группы наиболѣе энергичныхъ рабочихъ ходили по заводамъ и мастерскимъ, безъ труда снимая мастеровыхъ съ работы. Движеніе распространялось съ стихійной быстротой, и въ три дня захватило до 140 000 рабочихъ. Къ нему примыкали сознательные и несознательные, подготовленные и неподготовленные элементы. Одинъ изъ свидѣтелей описываетъ пріостановку работъ на своемъ заводѣ въ слѣдующихъ непосредственныхъ выраженіяхъ: „5-го января въ 7 ч. утра пришелъ въ мастер-

скую. Пропѣли смиренно молитву . . . Зажегъ свѣчу, зажалъ масленку въ тиски и началъ уже пилить. Черезъ минуты 2—3 прошелъ нѣкій токарь Н. и сказалъ: одѣвайтесь, товарищи! пойдемъ съ путиловцами правды искать. Я выслушалъ его и предполагалъ, что онъ смѣется, и, не обращая вниманія, принялся работать. Вдругъ слышу звонокъ, второй, и думаю: что-то неладно. Посмотрѣлъ, — рабочіе одѣваются, въ томъ числѣ и я. Пошли въ слѣдующія мастерскія, предложили прикончить работу. Тамъ безъ всякихъ сопротивленій одѣлись и разошлись . . .“

Съ каждымъ днемъ агитація въ пользу забастовки встрѣчала все меньше сопротивленія даже въ консервативной части рабочихъ. „7-го января, остановить работы было очень легко, — пишетъ другой рабочій . . . Въ этотъ день, чувствовали всѣ, должно что-нибудь случиться. Вышли на работу въ 7 ч., народъ сталъ сходиться группами и даже переговаривались со встрѣчными: „Что не работаешь?“ Онъ говоритъ: „Не охота“. — „Если не хочешь, то ступай за ворота“. Двадцать минутъ 8-го послышался трескъ стекла

въ окнѣ, закричали: „Бросайте, выходите, бросайте работу!“ Рабочіе были моментально одѣты и пошли“ . . .

„Собраніе русскихъ ф.-з. рабочихъ“ выступило съ дѣятельной поддержкой забастовочному движенію — не только моральной, но и матеріальной. Оно организовало стачечный комитетъ и фондъ. Нѣкоторые отдѣлы его, какъ напр. Нарвскій и Шлиссельбургскій, вызвались немедленно помогать бѣднѣйшимъ забастовщикамъ, выдавая имъ съѣстные продукты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ первыхъ же дней забастовки, двери отдѣловъ широко открылись для всѣхъ желающихъ — членовъ и нечленовъ, безъ всякой рекомендаціи. Помѣщенія отдѣловъ сразу сдѣлались притягательными центрами для всего взбудораженнаго населенія рабочихъ окраинъ. Началась открытая горячечная пропаганда, формулировка — передъ лицомъ нетронутыхъ еще массъ — не только экономическихъ, но и политическихъ требованій всего рабочаго класса, всего трудящагося люда Россіи. Гапонъ ѣздилъ изъ одного отдѣла въ другой, произносилъ рѣчи, овладѣвалъ аудиторіей, заставлялъ ее высказывать согласіе или несогласіе съ своими заключе-

ніями. Гапона смѣняли его помощники рабочіе. Цѣлый рядъ ораторовъ, умѣющихъ говорить сердцу рабочей толпы и завладѣвать аудиторіей, выдвинулся въ эти дни. Работа шла въ отдѣлахъ съ ранняго утра до ночи. Помѣщенія отдѣловъ, разсчитанныя на сотни посѣтителей, не могли вмѣстить всѣхъ стремящихся туда.

Огромныя толпы ждали очереди на улицѣ, одна аудиторія смѣняла другую. Въ эти первые дни, до выработки петиціи, въ толпѣ еще сталкивались противоположныя идеи, единство настроенія установилось не сразу. Вотъ страница изъ свидѣтельской записи, рисующая въ незамысловатыхъ выраженіяхъ тотъ идейный процессъ, черезъ которой съ необычайной быстротой проходили неподготовленныя массы. „7-го января пошелъ я на собраніе. Рабочихъ было много . . . и я не нашелъ нужнымъ идти въ помѣщеніе, а остался около собравшейся толпы. Они говорили относительно требованій; рабочіе высказались такъ: что необходимо намъ нужно, политическая свобода потому — что она будетъ гарантировать неприкосновенность законовъ и мы будемъ говорить, что для насъ полезно, а не такъ — у

насъ существуютъ законы, а полицеймейстръ, приставъ издаютъ свои постановленія, не касающіяся законовъ. А другой рабочій говоритъ, что мы тогда идемъ противъ Бога, Царя и воли его. На эту же тему говорятъ по нѣскольку разъ, и другой разъ ругаются, а если растолкуешь имъ, въ какомъ положеніи находишься, какіе законы у насъ существуютъ и какіе въ Западной Европѣ, понемногу начинаютъ сознавать; и такъ были привлечены на эти требованія. Были такіе случаи, что ораторъ говоритъ относительно управленія нашимъ государствомъ и показываютъ неправильность управленія, — рабочіе кричатъ: долой этого оратора; то же говоритъ св. Гапонъ, кричатъ: браво" . . . Другая запись обрисовываетъ постепенную выработку петиціи: „Народъ приходилъ большими массами и вырабатывалъ свои условія насчетъ забастовки. Говорили о томъ, что нужно первымъ дѣломъ 8-час. рабочій день, потомъ о томъ, какъ они выражались, что бы была бы допущена правда, т. е. свобода печати, слова, сходокъ, стачекъ и т. п. Начиналъ кто-нибудь говорить, что нужно рабочимъ, и говорилъ, что провѣрить нужно: да или нѣтъ. Ежели

нужно, то всѣ говорили — да; ежели нѣтъ, то поднимался шумъ и всѣ кричали: не надо! Потомъ другой, третій и т. д. Говорилъ и св. Гапонъ и выяснялъ, что нужно, и ежели это было хорошо, то всѣ кричали: надо, пусть будетъ такъ, — и это отмѣчалось, и т. д.“

Такъ вырабатывались и провѣрялись — примѣнительно къ пониманію и требованіямъ массы — отдѣльные пункты петиціи, редактированной Гапономъ совмѣстно съ 22 депутатами отдѣловъ 6-го января, слегка видоизмѣненной и кое въ чемъ дополненной къ вечеру 8-го января. Въ основу ея легли резолюціи, исподволь вырабатываемыя кружкомъ близкихъ къ Гапону рабочихъ, и отчасти резолюція, составленная на Шлиссельбургскомъ трактѣ вечеромъ 5-го января при участіи соціалъ-демократовъ. Съ утра 7-го января повсюду въ отдѣлахъ произносятся рѣчи, призывающія рабочихъ идти въ воскресенье къ Зимнемъ Дворцу. Подъ петиціей тысячами, десятками тысячъ собираются подписи.

Въ это время на улицахъ предмѣстій появляются патрюли . . . До приближенныхъ

Гапона, несмотря на явное бездѣйствіе полиціи, присутствующей кое-гдѣ на собраніяхъ, доходятъ слухи объ угрожающей ему опасности со стороны властей. Руководители движенія и самъ Гапонъ не скрываютъ отъ себя и другихъ, что шествіе ко Дворцу можетъ принять трагическій оборотъ. Кое-гдѣ раздаются призывы къ оружію не противъ Царя, — на Царя возлагаются въ этотъ день всѣ надежды взволнованной, разгоряченной толпы, а противъ тѣхъ, которые не захотятъ допустить народъ до Царя. Но оружіе ни у кого не заготовлено, народъ пойдетъ къ Царю — черезъ всѣ опасности, безоружный и смиренный, на все готовый, чтобы „добыть правду Россіи". Въ этомъ духѣ написана обращенная къ Царю петиція, въ этомъ же духѣ говорятъ ораторы передъ толпою. Быть можетъ, никогда и нигдѣ еще революціонный подъемъ огромныхъ народныхъ массъ — готовность умереть за свободу и обновленіе жизни — не соединялся съ такимъ торжественнымъ, можно сказать, народно-религіознымъ настроеніемъ. Свидѣтели-рабочіе разсказывали намъ, что въ нѣкорыхъ отдѣлахъ, когда собраніе балотировало поднятіемъ рукъ тотъ или другой пунктъ пе-

тиціи, эти руки поднимались съ сложенными накрестъ пальцами: „дѣлали изъ пальцевъ крестики, чтобы показать, что эти требованія святы, и кто за нихъ говоритъ, тотъ все равно, что присягаетъ постоять за правду“.

IV.

7-го и 8-го января Гапонъ написалъ письма Царю и Святополкъ-Мирскому, съ предупрежденіемъ о готовящемся шествіи народа, и лично видѣлся съ министромъ юстиціи Муравьевымъ, убѣждая его принять всѣ мѣры къ тому, чтобы шествіе это не окончилось трагически. Нечего и говорить о томъ, что онъ не нашелъ у министра ни малѣйшей отзывчивости. Въ эти же дни онъ лично объѣхалъ всѣ отдѣлы. Онъ говорилъ съ возрастающимъ возбужденіемъ и страстью, — все болѣе и болѣе поднимая настроеніе толпы. Онъ надорвалъ себѣ голосъ, еле держался на ногахъ, но продолжалъ ѣздить и говорить до послѣдняго часа — до поздняго вечера 8-го января. Повидимому, рѣчи его не вездѣ были одинаковы по тону — быть можетъ, въ зависимости отъ степени подготовки толпы. Въ нѣкото-

рыхъ отдѣлахъ онъ говорилъ спокойно, сообщая толпѣ увѣренность въ успѣхѣ. Въ другихъ онъ уже забрасывалъ слова о возможности неуспѣха, о предстоящихъ опасностяхъ, о томъ, что Царь можетъ отказаться принять и выслушать народъ свой. Эти рѣчи онъ кончаетъ словами: „и тогда нѣтъ у насъ царя“ . . . „И тогда нѣтъ у насъ царя“, какъ эхо откликалась толпа. „Всѣ умремъ. Клянемся стоять всѣ до одного. Батюшка, благославляемъ тебя на подвигъ, веди насъ.“ Всѣ были въ восторженномъ состояніи, разсказываютъ свидѣтели. „Многіе плакали, топали ногами, стучали стульями, колотили кулаками въ стѣны и, поднимая руки вверхъ, клялись стоять до конца. На Шлиссельбургскомъ трактѣ, гдѣ Гапонъ говорилъ 8-го, онъ, повидимому, былъ сдержаннѣе и не высказывалъ опасеній, что Царь откажется выслушать народную петицію: быть можетъ, именно здѣсь, гдѣ было больше соціалъ-демократовъ, онъ боялся разбить сомнѣніями общее настроеніе и вызвать въ нѣкоторыхъ группахъ партійную постановку вопроса, которой онъ очень опасался въ эти дни. Здѣсь въ записяхъ свидѣтелей, даже прикосновенныхъ къ партіямъ,

особенно бросается въ глаза восторженная, цѣльная вѣра въ Царя. Одинъ рабочій пишетъ: „Всѣ говорили: пойдемъ къ отцу и скажемъ ему, какъ мучаютъ насъ наши обдиралы. Скажемъ ему: отецъ, прими насъ, мы пришли къ тебѣ, помоги намъ, т. е. дѣтямъ твоимъ; мы знаемъ, ты радъ жизнь отдать за насъ и только живешь для насъ, но ты ничего не знаешь, какъ бьютъ и мучаютъ насъ, какъ мы голодаемъ, какъ всегда измучены и притомъ невѣжественны, подобны скотамъ, почти что всѣ неграмотны. Ожидали всѣ получить это все, что говорили, и при томъ, говоря такъ: вѣдь и въ Евангеліи сказано, что отецъ принялъ блуднаго сына, а вѣдь мы не блудные, мы всѣ стараемся, убиваемся и притомъ сидимъ голодные.“ Двѣ записи говорятъ о томъ, какъ пріѣхалъ 8-го января Гапонъ въ Шлиссельбургскій отдѣлъ. Толпа, обступавшая помѣщеніе отдѣла, просила его выйти къ ней. Было темно. Зажгли на дворѣ фонарь, и при свѣтѣ его предсѣдатель отдѣла, вставъ на бакъ, сталъ читать петицію, а Гапонъ, стоя подлѣ него, разъяснялъ петицію. Гапонъ „приводитъ характеристику настоящаго и будущаго и рисуетъ картину тѣхъ безправій,

которыя у насъ существуютъ. Много было такихъ, что слезы катились по лицу отъ невольныхъ потрясеній, которыя у насъ на глазахъ происходятъ. И такъ разсказалъ это и приглашалъ идти на площадь . . . И раздавались отчаянные крики: „Помремъ на площади“.

Но не одинъ Гапонъ возбуждалъ и поддерживалъ это настроеніе толпы. Онъ уѣзжалъ, на смѣну ему выступали руководители отдѣловъ, ораторы изъ рабочихъ, охваченные единымъ настроеніемъ, вдохновенные, измученные и неутомимые. Къ отдѣламъ приливали новыя и новыя толпы. Вечеромъ, при свѣтѣ уходящихъ въ даль, тускло мерцающихъ фонарей, виднѣлось у помѣщенія отдѣловъ море человѣческихъ головъ. На улицѣ, въ отдѣльныхъ группахъ, слышались разговоры о войнѣ, о тягостныхъ послѣдствіяхъ ея для народа, о всеобщей забастовкѣ. Иногда какой-нибудь вопросъ, связанной съ петиціей и обсуждавшійся въ змлѣ отдѣла, выносился на улицу. Ораторы взбирались на какую-нибудь импровизированную трибуну, вродѣ опрокинутой бочки, и говорили къ толпѣ. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ петиція читалась народу изъ откры-

таго окна собранія, и народъ слушалъ ее благоговейно, „какъ въ церкви“. Многіе, несмотря на морозъ, стояли безъ шапокъ. Недостаточно понятныя мѣста петиція вновь и вновь толковались, каждый отдѣльный пунктъ ея вновь и вновь ставился на балотировку. Толпа выражала свое сочувствіе криками и далеко уносящимся гуломъ голосовъ. Иногда она повторяла, въ знакъ сочувствія, послѣднія слова оратора, подхватывала ихъ, какъ хоръ подхватываетъ запѣвалу . . . „Всѣ недоразумѣнія между фабрикантами и рабочими должны рѣшать представители отъ фабрикантовъ и отъ рабочихъ поровну“, — говоритъ ораторъ, — и толпа откликается: „поровну, поровну“. „Что такъ жить, не лучше ли намъ сойти въ могилу?“ — заканчиваетъ свою рѣчь ораторъ, и толпа отвѣчаетъ ему: „Лучше въ могилу, въ могилу“ . . . „Когда чтеніе петиціи было закончено, пишетъ одинъ очевидецъ съ Васильевскаго Острова, — предсѣдатель задалъ рабочимъ вопросъ: „А что, товарищи, если Государь насъ не приметъ и не захочетъ прочесть нашей петиціи, — чѣмъ мы отвѣтимъ на это? — Тогда точно изъ одной груди вырвался могучій потрясающій крикъ: Нѣтъ

тогда у насъ царя! . . . — И какъ эхо повторилось со всѣхъ концовъ: — „Нѣтъ царя... Нѣтъ царя“ . . . Въ этотъ моментъ послышались возгласы: „Долой самодержавіе!“ — толпа не поддержала ихъ“.

Это одно изъ многихъ указаній на то, что движеніе было чисто народнымъ и внѣпартійнымъ. Партійные ораторы, выступавшіе въ тѣ дни, имѣли успѣхъ только въ небольшихъ, захваченныхъ партійной пропагандой, группахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр., въ Нарвскимъ отдѣлѣ, партійные возгласы и попытки призвать народъ подъ красные флаги вызывали бурный гнѣвъ толпы, и руководители движенья, съ Гапономъ во главѣ, употребляли всѣ усилія, чтобы не допустить партійныхъ ораторовъ и толпу до явныхъ столкновеній и не разбить цѣльности народнаго настроенія. „Въ Василеостровскій отдѣлъ соціалъ-демократы проникли 6-го января, — пишетъ одинъ очевидецъ, — и одинъ изъ нихъ, послѣ рѣчи Гапона, сказалъ встрѣчную рѣчь, призывающую рабочихъ встать подъ знамя соціалъ-демократіи. Гапонъ сказалъ въ отвѣтъ слѣдующее: „Господа соціалъ-демократы и соціалъ-революціонеры, я всегда васъ

уважалъ и считалъ честными людьми. Низко кланяюсь вамъ, земно кланяюсь вамъ: не вносите раздора въ наше движеніе. Пойдемъ подъ однимъ знаменемъ, общимъ и мирнымъ, къ нашей святой цѣли." Соціалъ-демократы упорствовали, и нѣкоторая часть аудиторіи кричала: „Да здравствуетъ соціалъ-демократія". На другой день, въ томъ же отдѣлѣ, передъ началомъ собранія, ораторъ Отдѣла сказалъ: „Господа члены партій соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, присутствующіе на этомъ собраніи! Ваши товарищи на Петербургской сторонѣ дали честное слово не вносить ничего особаго въ наше движеніе, подчиниться волѣ народа и мирно идти вмѣстѣ съ нимъ. Даете ли вы такое слово? И изъ разныхъ концовъ послышался отвѣтъ: „Даемъ" . . .

Въ эти дни взволнованная народная стихія поглотила представителей партійной и непартійной интеллигенціи и увлекла многихъ въ своемъ потокѣ. Нѣкоторые изъ партійныхъ людей, не имѣя въ душѣ ни капли наивной вѣры въ благополучный исходъ шествія ко Дворцу, шли тѣмъ не менѣе съ толпою, въ

первыхъ сомкнутыхъ рядахъ ея, мужественно подставляя себя вмѣстѣ съ нею подъ пули. Въ числѣ неслучайныхъ жертвъ 9-го января было и нѣсколько молодыхъ, полныхъ силы партійныхъ работниковъ.

Можно представить себѣ, что переживали эти люди наканунѣ кровавыхъ событій. Въ то время, какъ руководители движенія готовились къ подвигу и вдохновленная ими толпа съ восторгомъ и трепетомъ ожидала торжественнаго шествія народа къ Дворцу, городъ и окраины были полны тревожныхъ предвѣстій готовившагося кровопролитія. Въ городѣ ходили слухи о приказѣ, отданномъ войскамъ, о передвиженіяхъ воинскихъ отрядовъ въ полной боевой готовности. Но всѣ признаки опасности, угрожающей народу, были такъ сбивчивы и противорѣчивы. Съ одной стороны — войска, съ другой стороны бездѣйствіе, а кое гдѣ и благосклонное отношеніе къ собраніямъ полиціи. Казалось, что если власти хотятъ подавить движеніе, то онѣ должны прежде всего прекратить пропаганду, открыто ведущуюся передъ десятками тысячъ бастующихъ рабочихъ. Но ни въ одномъ отдѣлѣ не было сдѣлано ни малѣйшей по-

пытки воспрепятствовать стеченію народа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полиція присутствовала на собраніяхъ и, повидимому, относилась къ нимъ вполнѣ благосклонно. Объ этомъ свидѣтельствуютъ безчисленныя заявленія очевидцевъ. Одна изъ записей сообщаетъ слѣдующій характерный фактъ, относящійся къ вечеру 8-го января: „Въ толпѣ (на улицѣ, передъ раскрытымъ окномъ собранія) стоялъ городовой и, разиня ротъ, слушалъ. Когда одна курсистка указала на несообразность такого явленія, рабочіе заступились за него: „пускай стоитъ. Тоже вѣдь человѣкъ, — понимаетъ." На Среднемъ проспектѣ городовой самъ разсуждалъ, обращаясь къ толпѣ, и хотя словъ его не было слышно, но, по одобреніямъ рабочихъ, можно было догадаться, что онъ выражаетъ ей свое сочувствіе. Но не одно только поведеніе отдѣльныхъ чиновъ полиціи давала многимъ надежду на какія-то благопріятныя для народа возможности. Вотъ характерные отрывки изъ подробнаго письменнаго показанія члена извѣстнаго своимъ реакціоннымъ направленіемъ „Русскаго Собранія", врача Алафузовской больницы Дьячкова, рисующіе общее положеніе вещей 8-го и утромъ

9-го января*): „Что 9-го января будетъ крестный ходъ къ Зимнему Дворцу изъ-за Нарвскихъ воротъ, не составляло ни для кого секрета. Объ этомъ открыто говорили всѣ . . . Не помню, за день или за два дня до 9 января, было расклеено на улицахъ города объявленіе отъ градоначальника, чтобы на улицахъ не происходило скопленія народа, такъ какъ въ противномъ случаѣ будутъ приняты законныя мѣры. По дорогѣ въ больницу я видѣлъ нѣсколько такихъ экземпляровъ на заборахъ до Нарвскихъ воротъ и одинъ изъ нихъ прочелъ. За Нарвскими же воротами и до самой больницы Алафузовской я не встрѣтилъ ни одного расклееннаго на заборахъ объявленія отъ градоначальника, хотя старательно и нарочно искалъ глазами. Это меня увидило. Объявленіе не было расклеено тамъ, гдѣ наиболѣе его слѣдовало бы расклеить. Въ недоумѣніи остался я отъ этого объявленія также и въ томъ отношеніи, что въ немъ ни слова не было сказано о предстоящемъ крестномъ ходѣ,

*) Показаніе это почти полностью напечатано въ „Докладѣ комиссіи, избранной общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ 16 января 1905 г. по поводу событій 9—11 января“.

хотя, конечно, полиція была о немъ освѣдомлена, разъ о томъ говорила вся столица. Простыхъ и понятныхъ словъ для народа, что въ случаѣ скопленія народа будутъ стрѣлять, убивать, въ объявленіи сказано не было; въ объявленіи была приведена неопредѣленная фраза, что будутъ съ толпой поступать „по закону“ . . . Намъ приходилось распрашивать рабочихъ изъ-за Нарвской заставы, какъ понимали они въ тѣ дни предупрежденіе градоначальника. Отвѣтъ былъ такой: „не всѣ и видѣли это объявленіе. А кто видѣлъ, — говорили, что неизвѣстно еще, правда ли оно отъ градоначальника. Подписи на немъ не было. Толковали, что, можетъ быть, такъ кто расклеилъ, нарочно, чтобы народъ смутить“. Одинъ свидѣтель сообщилъ намъ, что за Нарвскую заставу дошли 8-го января слухи о передвиженіяхъ войскъ въ городѣ, но народъ и это истолковалъ по своему: говорили, что 9-го января готовится передъ Зимнемъ Дворцомъ большой парадъ и что это даже лучше: войска не помѣшаютъ народу предстать передъ Царемъ со своей петиціей. Другіе истолковывали передвиженіе войскъ иначе. Врачъ Дьячковъ, въ указанномъ уже

показанiи, пишетъ на эту тему: „Основываясь на разныхъ случаяхъ, слышанныхъ отъ разныхъ лицъ разговорахъ, я вывелъ мнѣнiе, что народъ думалъ, если будутъ вызваны войска, то это на всякiй случай, если бы кто сталъ безобразничать, хулиганить, выкидывать красные флаги и т. п. Но вѣрноподданному народу не приходило и на умъ заниматься такими преступными вещами и потому общее настроенiе, убѣжденiе, судя по слухамъ, у народа было таково, что стрѣлять не будутъ, къ Царю допустятъ. Я даже слыхалъ такую версiю, будто бы идущую изъ народа, что для выборныхъ изъ народа Царемъ будетъ приготовлено въ Зимнемъ Дворцѣ парадное угощенiе на 40 или на 60 человѣкъ.“ Поведенiе полицiи въ этомъ районѣ, какъ увидимъ, до самаго конца, до послѣдней роковой минуты, поддерживало въ народѣ надежду на благополучный исходъ. Г. Дьячковъ передаетъ слѣдующiй разговоръ своего сослуживца, доктора К., съ помощникомъ пристава Жолткевичемъ, который, какой-нибудь часъ спустя, торжественно сопровождая крестный ходъ, былъ убитъ вмѣстѣ съ нѣсколькими десятками рабочихъ. „К. потомъ разсказывалъ мнѣ и

другимъ врачамъ, что въ это время онъ имѣлъ разговоръ съ Ж. по поводу происходящаго. Ж. говорилъ ему, что теперь для полиціи тяжелое время, такъ много работы, больше чѣмъ врачамъ на холерѣ. К. сказалъ Ж-чу: „почему же вы не остановите движеніе народа? Вѣдь могутъ быть несчастья, можетъ быть, будутъ стрѣлять народъ у воротъ." Ж. отвѣтилъ: „Намъ не приказано препятствовать движенію народа" *).

Изъ всего рѣшительно явствуетъ, что полиціи не приказано было препятствовать движенію народа — одинаково во всѣхъ районахъ, во всѣхъ „отдѣлахъ" — въ то самое время, какъ другое вѣдомство, военное, подготовляло приказами рзстрѣлъ. Но нужно сказать, что

---

*) Подводя итогъ всѣмъ своимъ впечатлѣніямъ и сообщеніямъ другихъ лицъ относительно условій, при которыхъ началось утромъ 9-го января шествіе народа съ петиціей, г. Дьячковъ говоритъ: „Картина была такова, что у меня, какъ у человѣка православнаго, преданнаго Самодержавному Государю, любящаго родную исторію и преданія старины о единеніи Самодержавнаго Царя съ преданнымъ ему народомъ, не оставалось никакого сомнѣнія, что стрѣлять не будутъ, стрѣлять не посмѣютъ".

руководители движенія и наиболѣе сознательные рабочіе не были такъ спокойны, какъ врачъ Дьячковъ. Не была вполнѣ спокойна и толпа. Къ вечеру 8-го января неуловимая тревога проникала въ души, и рѣшимость побѣдить эту безотчетную тревогу принимала все болѣе возвышенный, героическій характеръ. Полиція ничему не препятствовала, патрули, разъѣзжавшіе по темнымъ улицамъ, и войска, поставленныя на заводы, хранили загадочное молчаніе, но уже вокругъ Гапона увивались какія-то подозрительныя личности, и близкіе ему рабочіе за Нарвской заставой сплотились вокругъ него, какъ вѣрная стража, укрывали его на ночь у себя въ домахъ и принимали всѣ мѣры предосторожности противъ угрожающаго ему ареста. Въ 7 ч. вечера онъ долженъ былъ выступить въ послѣдній разъ въ Путиловскомъ отдѣлѣ. Кромѣ рабочихъ набралось не мало публики изъ города, пріѣхали нѣкоторые представители печати. Гапонъ не показывался, и близкіе ему заявили, что онъ не пріѣдетъ.

Въ душной жаркой залѣ, набитой народомъ, поднималась тревога, то тутъ, то тамъ высказывались предположенія: „не арестованъ ли

ужъ нашъ защитникъ? не забрали ли его черные вòроны?“ Народъ успокаиваютъ, говорятъ, что о. Гапонъ въ полной безопасти. Публика изъ города разъѣзжается. Но народъ ждетъ и тревожится. Гапонъ появился передъ Путиловцами только поздно вечеромъ, измученный, охрипшій и взволнованный. Въ послѣдней рѣчи своей онъ сравнилъ эту ночь съ ночью на Свѣтлый праздникъ: завтрашній день будетъ для народа пробужденіемъ изъ мертвыхъ, зарею новой жизни . . . Народъ просилъ у него благословенія на завтра, и матери приносили къ нему подъ благословеніе своихъ спящихъ дѣтей.

Ночь была лунная, тихая, жутко-тревожная. Многіе обратили вниманіе еще вечеромъ на огромную кроваво-красную луну надъ горизонтомъ. Мы спрашивали потомъ рабочихъ, участниковъ движенія, мужчинъ и женщинъ: „что дѣлалось въ эту ночь въ вашихъ семьяхъ?“ . . . Намъ отвѣчали: „Спали немного. Ждали утра . . . Кто вѣруетъ, молился“.

Въ эту ночь Петербургъ былъ сердцемъ Россіи.

V.

Круги петербургкой интеллигенціи съ 6-го января волновались слухами о быстро разростающемся, небываломъ рабочемъ движеніи, которое за какую-нибудь недѣлю до того никто не считалъ возможнымъ. Слухи были сначала неясные, тревожные, сужденія сбивчивыя. Многіе еще продолжали говорить о дѣятельности Гапона и его помощниковъ, какъ о страшной по своимъ послѣдствіямъ правительственной провокаціи. Передавались сообщенія о томъ, что гродоначальникъ и другія власти по министерству внутреннихъ дѣлъ продолжаютъ считать Гапона „своимъ человѣчомъ“. Между тѣмъ свидѣтели-очевидцы, побывавшіе въ отдѣлахъ, разсказывали невѣроятныя вещи о политическомъ подъемѣ народныхъ массъ. Казалось, на глазахъ у всѣхъ растетъ громадная, фантастическая и въ то же время чисто русская легенда.

8-го числа, когда характеръ движенія уже вполнѣ опредѣлился, когда стало ясно, что народныя массы дѣйствительно пойдутъ ко Дворцу въ торжественномъ подъемѣ своихъ послѣднихъ упованій на Царя и въ рѣшимости принести самую жизнь „въ жертву для изстрадавшейся Россіи", небольшіе вполнѣ освѣдомленные круги интеллигенціи пришли въ неописуемое волненіе. Казалось необходимымъ что-то сдѣлать въ предупрежденіе кровопролитія, котораго всѣ ожидали, — хотя и не думали, что оно приметъ такіе размѣры.

Вечеромъ 8-го января представители литературы собрались въ редакціи „Сына Отечества". Среди мертвой тишины прочтена была петиція рабочихъ къ Царю, только что передъ тѣмъ доставленная сюда вмѣстѣ съ письмомъ Гапона къ Святополкъ-Мирскому. Нѣсколько литераторовъ съ безпокойствомъ разспрашивали присутствовавшаго въ собраніи рабочаго, приближеннаго Гапона, каковы дѣйствительныя намѣренія рабочихъ. „Если Царь почему-нибудь не сможетъ принять васъ завтра, — рабочіе не предпримутъ чего-нибудь насильственнаго?" — спрашивали его.— „Нѣтъ, пусть только онъ выйдетъ сказать,

чтобы мы пришли въ другой разъ.“ — „А если онъ вообще не захочетъ говорить съ такой большой толпой?“ — „Мы всѣ гарантировали ему неприкосновенность его личности. Объ этомъ сказано и въ письмѣ къ Святополкъ-Мирскому. Но въ крайнемъ случаѣ пусть онъ приметъ, хоть въ Царскомъ Селѣ, депутацію отъ насъ. Но только подлинную, нами выбранную, съ отцомъ Гапономъ, — и чтобы мы могли говорить съ нимъ лично, а не черезъ чиновниковъ.“ — „Ну, а если онъ и этого не захочетъ?“ — „Тогда . . . тогда онъ не Царь . . .“

Для нѣкоторыхъ оставалась еще капля надежды, что можно достигнуть чего-то, поручившись передъ властями въ мирномъ характерѣ движенія. Несмотря на позднее время — былъ уже 12-ый часъ ночи, — собраніе отрядило депутацію изъ 9 заслуженныхъ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей*) къ кн.

---

*) К. К. Арсеньевъ, Н. Ф. Анненскій, А. В. Пѣшехоновъ, I. В. Гессенъ, В. А. Мякотинъ, В. И. Семевскій, М. Горькій, Е. И. Кедринъ и Н. И. Карѣевъ; къ этой депутаціи былъ присоединенъ и рабочій Д. В. Кузинъ. Черезъ 3 дня послѣ того всѣ эти лица, кромѣ К. К. Арсеньева, были заключены въ Петропавловскую крѣпость.

Святополкъ-Мирскому и Витте, чтобы откровенно указать имъ на ту огромную отвѣтственность, какую возьметъ на себя правительство, если встрѣтитъ мирное шествіе рабочихъ безпричинными насиліемъ. Святополкъ-Мирскаго депутація не застала дома. Его товарищъ, генералъ Рыдзевскій, взялся только передать министру слова депутаціи, но сказалъ, что правительству извѣстны всѣ факты, и совѣтовалъ обратиться съ предупрежденіями не къ правительству, а къ рабочимъ. Витте принялъ депутацію, но отказался что-либо сдѣлать, говоря что это дѣло „не его вѣдомства“ и что лично онъ безсиленъ. Депутація вернулась поздно ночью въ собраніе, чтобы сообщить о результатахъ своихъ переговоровъ. Ничего нельзя было болѣе предпринять въ этотъ поздній часъ: въ виду неорганизованности интеллигенціи не сформированы были, какъ слѣдуетъ, даже летучіе врачебные отряды. Вызваны были только охотники пойти въ рабочіе кварталы на развѣдку.

Ночью городъ былъ фактически поставленъ на военное положеніе. Повсюду были размѣщены войска. Въ отдѣльныхъ частяхъ города были устроены штабы съ походными крова-

тями, гдѣ офицеры, въ шинеляхъ, по военному, пили чай, курили, болтали, коротали ночь, какъ въ походѣ. Для военныхъ были снаряжены на всякій случай кареты Краснаго Креста. Г.г. офицерамъ было предоставлено высшимъ военнымъ начальствомъ дѣйствовать по усмотрѣнію. На всѣхъ мостахъ и переходахъ Невы съ ранняго утра расположились пикеты. Одинъ изъ развѣдчиковъ сообщилъ, какъ пьяные солдаты, грѣясь у костра, прыгали, хохотали, плясали польку. За Нарвскими воротами расположены были войска, нарочно привезенныя въ эту ночь изъ Пскова. Ничего не подозрѣвающимъ солдатамъ этихъ ротъ заранѣе дано было предписаніе стрѣлять по сигнальному рожку.

VI.

Шествіе должно было открыться изъ всѣхъ одиннадцати отдѣловъ, не исключая и Колпинскаго, съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ 2 ч. дня всѣ собрались на „царской площади“, какъ говорится въ нѣкоторыхъ записяхъ. Впереди должны были идти депутаты отдѣловъ. Каждый отдѣлъ имѣлъ свой экземпляръ отпечатанной рабочими петиціи. Все это было выполнено съ изумительной строгостью, торжественностью и необыкновенно трогательной простотой.

Еще не наступилъ поздній январьскій разсвѣтъ, а къ отдаленнымъ отъ центра отдѣламъ уже потянулись рабочіе. Колпинцы, которымъ предстояло пройти не мало верстъ, двинулись въ путь уже въ 6½ ч. утра. Другіе отдѣлы тоже открылись съ ранняго утра, но въ нихъ продолжалась подготовительная

работа, велись тихіе, взволнованные разговоры, произносились рѣчи, вновь и вновь читалась и толковалась петиція — для тѣхъ, кто не достаточно усвоилъ ее, или для вновь прибывающихъ къ отдѣламъ толпъ. Надежда „дойти до Царя“ повсюду сливалалась съ предвидѣніемъ угрожающей опасности.

На Шлиссельбургскомъ трактѣ ободряли другъ друга сообщеніями, что одинъ рабочій изъ вожаковъ, посѣтившій вечеромъ своего родственника жандарма, былъ встѣченъ и другими жандармами съ распростертыми объятіями: „жандармы все знаютъ и не будутъ мѣшать“. Хотѣли съ начала въ первый рядъ поставить дѣтей, — ибо шли къ царю дѣйствительно, какъ говорится въ петиціи, со своими женами, дѣтьми и стариками-родителями. Говорили, что если бы солдатъ и послали, то они не будутъ стрѣлять: „Мы возьмемъ ихъ за плечи, мы скажемъ: братцы, что вы! да развѣ можно въ своихъ? . . .“ И однако, одного изъ развѣдчиковъ попросили поѣхать за перевязочными средствами, а когда, послѣ напутственной рѣчи предсѣдателя отдѣла, двинулись въ путь, въ первые ряды поставили самыхъ сильныхъ и смѣлыхъ, ко-

торые двинулись, ведя за собою многочисленную толпу, сомкнутымъ строемъ, крѣпко взявшись подъ руки.

Что происходило въ то утро въ отдѣлѣ на Васильевскомъ Островѣ, записано полностью, съ необычайной простотой и, — какъ показала провѣрка -- съ великою правдивостью, — одной интеллигентной дѣвушкой. Мы приводимъ здѣсь этотъ документъ почти цѣликомъ:

„Въ воскресенье утромъ, въ 10-мъ часу, я отправилась на 4 линію В. О. На улицахъ еще было тихо. На одномъ углу стояла кучка дворниковъ или сыщиковъ, которые, когда я приходила, со смѣхомъ сказали: „ну, ихъ сегодня перебьютъ" . . . Толпа все прибывала. Къ 10 ч. двери собранія были открыты, и мы вошли. Настроеніе толпы было напряженно-спокойное, чувствовалась какая-то связь, какое-то дружеское взаимное отношеніе. Были и женщины, молодыя и старыя, хотя немного. Громадное помѣщеніе сплошь было заполнено народомъ. Стояли на скамьяхъ, на окнахъ. Разговора не слышно было . . . На эстрадѣ появился пожилой рабочій и обратился къ

толпѣ: „товарищи! Вы знаете, зачѣмъ мы идемъ. Мы идемъ къ Царю за правдой. Не вмоготу намъ стало жить. Помните ли вы Минина, который обратился къ народу, чтобы спасти Русь. Но отъ кого? Отъ поляковъ. Теперь мы должны спасти Русь отъ чиновниковъ, подъ гнетомъ которыхъ мы страдаемъ. Изъ насъ выжимаютъ потъ и кровь. Вамъ ли описывать нашу жизнь рабочую. Мы живемъ въ одной комнатѣ по 10 семей, также и холостые. Такъ ли я говорю?“ — „Вѣрно! Вѣрно!“ раздалось со всѣхъ сторонъ . . . „И вотъ, товарищи, мы идемъ къ Царю. Если онъ намъ Царь, если онъ любитъ народъ свой, онъ долженъ насъ выслушать. Мы послали ему черезъ министра письмо, въ которомъ просили выйти къ намъ въ 2 ч. дня на Дворцовую площадь. Мы представимъ ему петицію, въ которой выражены всѣ наши требованія, извѣстныя вамъ. Не можетъ быть, чтобы онъ насъ не принялъ. Мы идемъ къ нему съ открытой душой. Мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. Онъ долженъ насъ выслушать, онъ это сдѣлаетъ. Товарищи! Такъ идемъ же всѣ къ Царю. Я первый пойду, въ первыхъ рядахъ, и когда

мы падемъ, вторые ряды за нами. Но не можетъ быть, чтобы онъ велѣлъ въ насъ стрѣлять“ . . . Гдѣ-то въ толпѣ поднялся студентъ и хотѣлъ говорить, но толпа крикнула: „Намъ студентовъ не надо, не надо“. Тогда выступилъ на трибуну ораторъ и сказалъ: „Отъ гнета правительства терпимъ не только мы, рабочіе, терпятъ многіе и студенты. Есть студенты изъ среды рабочихъ; терпятъ и дворяне. Не отталкивайте ихъ, товарищи. Пусть всѣ идутъ, кто страдаетъ отъ гнета правительства, съ нами . . .“ Затѣмъ на трибуну стала женщина, по виду интеллигентная*), уже не молодая. Она обратилась къ женщинамъ съ рѣчью: „Матери и жены! Не отговаривайте вашихъ мужей и братьевъ идти за правое дѣло. Идите вмѣстѣ съ ними. Если на насъ нападутъ, или будутъ стрѣлять, не кричите, не визжите, явитесь сестрами милосердія. Вотъ вамъ перевязки съ краснымъ крестомъ. Обвяжите эту повязку кругомъ рукава, но только тогда, не раньше, когда въ насъ начнутъ стрѣлять“. „Идемъ! идемъ!“ раздалось

*) Это была упомянутая выше жена рабочаго, предсѣдательница женскихъ собраній въ отдѣлахъ, К.

вокругъ меня, гдѣ стояло нѣсколько дѣвушекъ и нѣсколько пожилыхъ женщинъ „Всѣ должны идти. Дайте кресты“, потянулись со всѣхъ сторонъ женскія руки. А дѣвушка, стоявшая подлѣ меня, обратилась къ подругѣ въ сильномъ возбужденіи, говоря: „пойди, скажи мамѣ, я пойду. Все равно, убьютъ, такъ убьютъ. Что же это! Однихъ будутъ убивать, другіе воспользуются, — это нехорошо. Всѣ, всѣ должны идти.“ И опять, въ сильномъ возбужденіи, стала просить красный крестъ, такъ какъ на ея долю не хватило. Одна старуха съ заплаканными глазами сказала: „я только сбѣгаю домой, посмотрю, что тамъ дѣлается. Я приду. Я еще успѣю.“ И дѣйствительно, я ее потомъ видѣла въ толпѣ, направляющейся къ Дворцовой площади. Говоритъ еще одинъ молодой рабочій. Онъ указываетъ собранію, что тамъ, на улицѣ, мутятъ рабочихъ, говоря, что они идутъ просить царя окончить войну. „Мы идемъ просить не о войнѣ, мы идемъ просить собрать представителей народа, чтобы они рѣшили всѣ вопросы. Мы ничего не рѣшаемъ.“ Затѣмъ сталъ на эстраду одинъ изъ депутатовъ, невысокаго роста, блондинъ, съ очень нервнымъ,

воспаленнымъ взглядомъ. Онъ прочелъ текстъ письма къ Мирскому и объяснилъ, что онъ одинъ изъ 11 рабочихъ, участвовавшихъ въ составленіи письма. Послѣ этого первый рабочій еще коснулся вопроса о церкви*): „Чиновники не только поработили насъ, — они поработили и церковь. Теперь нельзя быть истинными христіанами. Если я молюсь не по казенному, то каждый, кто это увидитъ, можетъ донести. У насъ есть церковь, но нѣтъ свободы вѣры. Если я скажу, что я не вѣрую въ Бога, меня за это будутъ наказывать, будутъ насиловать мою совѣсть. Церковь наша порабощена правительствомъ. Нужно, чтобы она была свободна, чтобы каждый молился по своей совѣсти. Такъ ли я говорю?“ — „Вѣрно! Такъ! . . .“ Затѣмъ онъ сказалъ: „А теперь помолимся Богу, прочтемъ Отче Нашъ“. Вся толпа благоговѣйно, съ напряженной думой въ глазахъ, стройно, однимъ хоромъ, пропѣла молитву, истово крестясь. Одинъ старикъ и многія женщины плакали . . .

---

*) Въ петиціи имѣется пунктъ о „свободѣ совѣсти въ дѣлѣ религіи“, а въ послѣдней, менѣе извѣстной публикѣ, редакціи ея, — и пунктъ объ отдѣленіи церкви отъ государства.

„Вошло другое собраніе. Снова пропѣли „Отче Нашъ“, съ тѣмъ же благоговѣйнымъ настроеніемъ, съ тайной думой о смерти. То и дѣло толпа заглядывала въ окна и съ сильнымъ возбужденіемъ говорила: „Мало народу, мало“, боясь, что не соберется достаточное количество. Главный ораторъ снова выступилъ впередъ и сказалъ: „Товарищи, знаете, зачѣмъ мы идемъ?“ — „Знаемъ! знаемъ!“ раздались юные голоса. „Пойдемъ же твердымъ, сомкнутымъ строемъ, не отступая, не отставая. Безъ криковъ и шуму. Не слушайте голосовъ изъ толпы. Слушайте только насъ, которые пойдемъ въ первомъ ряду . . . Знаменъ не надо. Но тѣхъ, кто носитъ знамена, не бить, — только знамя отнять. Мы не потому говоримъ, что не надо знаменъ, что въ нихъ есть что-нибудь дурное, а потому, что толпа привыкла, что полиція бросается на знамена, и можетъ приписать знаменамъ, въ случаѣ столкновенія, причину нападенія. Но помните, товарищи: тѣхъ, кто носитъ знамена, не бить! Листковъ не подбирайте. Голосовъ изъ заднихъ рядовъ не слушайте. Идите мирно и благоговѣйно. Мы идемъ на великое дѣло и можемъ гордиться этимъ. Кто мы? Мы ни-

чтожные рабочіе. Такъ зовите же всѣхъ, кто пойдетъ съ нами, никого не отталкивайте. Идемъ! . . .“

Всѣ вышли. На улицѣ дожидался уже Гаваньскій отдѣлъ, пришедшій на соединеніе съ Василеостровскимъ. Образовалась громадная толпа, запрудившая всю линію отъ Малаго до Средняго проспекта. Она медленно двинулась впередъ, стараясь идти сомкнутымъ строемъ. . .

Путиловскій отдѣлъ, оставался на попеченіи самого Гапона. Здѣсь рабочая толпа была менѣе сознательна, болѣе наивна, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ. Здѣсь былъ источникъ и очагъ стачечнаго движенія, въ которомъ Гапонъ съ самаго начала игралъ роль заступника и руководителя.

Здѣсь онъ проводилъ послѣднія тревожныя ночи. Здѣсь окружала его „вѣрная стража“, группа восторженно любившихъ его рабочихъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ: „8-го января, около 11 ч. вечера пришелъ ко мнѣ о. Георгій. Наружность его была измученная, голосъ хриплый, потерялъ его. Предложилъ я ему закусить, онъ отказался, только и было, что выпилъ полъ-стакана чаю, но курилъ одну за

другой папиросы. Говорить какъ будто ему не хотѣлось. Въ 12-мъ часу онъ былъ въ постели и спалъ очень крѣпко, ночью не просыпался. 9-го января проснулся въ 8 ч. утра и пилъ чай, но закусывать ничего не хотѣлъ“ . . . Говорить передъ толпою въ это утро онъ уже не могъ или не хотѣлъ, сказавъ ей наканунѣ свое послѣднее напутственное слово. Какія-то подозрительныя личности навѣдывались въ квартиру, гдѣ онъ провелъ ночь . . . „. . . Черезъ нѣсколько минутъ приходитъ нѣкто К., — пишетъ хозяинъ этой квартиры, — и обращается къ о. Гапону со словомъ: „О. Георгій, васъ г. приставъ проситъ къ себѣ въ петергофскій участокъ для переговора по телефону съ г. градоначальникомъ по очень важному дѣлу“. О. Георгій ему отвѣтилъ: „теперь, товарищъ, поздно и не время. Надо было раньше переговаривать. Подите сами къ телефону и скажите, что я, священникъ Гапонъ, г. градоначальникъ, что вамъ угодно, а мнѣ сейчасъ некогда, я долженъ сейчасъ отправляться съ товарищами ко Дворцу“. Возможно, какъ полагаетъ пишущій приведенныя строки, что это были уловки тайной полиціи, старавшейся выманить

Гапона и, арестовавъ тайно отъ толпы, разстроить шествіе. По сообщеніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, Гапонъ былъ чрезвычайно взволнованъ предвидѣніемъ того, что должно было случиться. Нѣкоторымъ женщинамъ, матерямъ семейства, подходившимъ въ послѣднюю минуту просить его напутственнаго благословенія, онъ совѣтовалъ лучше идти домой, потому что, можетъ быть, будутъ стрѣлять. Приближенные Гапона достали большой портретъ Царя и два небольшихъ портрета Царя и Царицы и сдѣлали большой бѣлый флагъ, на которомъ написали крупными буквами: „Солдаты! Не стрѣляйте въ народъ“.

Толпы уже стекались къ отдѣлу, заполняя весь дворъ и часть улицы. Утромъ въ помѣщеніи собранія раздавались пособія стачечникамъ и собирались послѣднія подписи подъ петиціей. „Въ 9 съ половиною часовъ утра, говорится въ цитированной уже записи, пришли нѣсколько человѣкъ съ предложеніемъ: О. Георгій! А можно намъ поднять иконы и крестъ, чтобы идти съ крестнымъ ходомъ?“ О. Георгій имъ на это отвѣтилъ: — У насъ нѣтъ иконъ и нигдѣ взять. — Народъ говорилъ: Мы, батюшка, можемъ достать и намъ

дадутъ. — Если можете достать, тѣмъ лучше". Черезъ 40 минутъ Гапону сообщили, что хоругви, крестъ и иконы принесены. Ихъ взяли въ часовнѣ Болдыревской дачи. Около 11 ч. утра Гапонъ, въ священнической рясѣ, вышелъ во дворъ, гдѣ ожидалъ крестный ходъ и многотысячная толпа рабочихъ. Здѣсь же было нѣсколько человѣкъ полиціи съ помощникомъ пристава. Около воротъ, по шоссе, проѣзжали конно-городовые и инженеръ Р. Онъ подошелъ къ Гапону и потомъ, обратившись къ толпѣ, сказалъ отъ его имени напутственное слово дѣлового характера. Шествіе стало строиться въ ряды. Впереди несли хоругви, иконы, крестъ, царскіе портреты и бѣлый флагъ. Въ первыхъ рядахъ, крѣпко взявшись подъ руки, шли, окружая Гапона, самые смѣлые, самые восторженные. Предшествуемый полиціей, крестный ходъ тронулся и растянулся по шоссе — чуть не на нѣсколько верстъ. На небѣ сіяло солнце. Запѣли „Спаси, Господи, люди Твоя". Всѣ шли съ обнаженными головами. Полицейскіе чины на пути снимали шапки.

Когда голова шествія приближалась уже къ Нарвскимъ воротамъ, изъ-за воротъ, прямо

на толпу, карьеромъ понесся отрядъ конницы. Онъ прорвалъ шеренги первыхъ рядовъ, но быстро повернулъ назадъ и отъѣхалъ въ сторону, открывая стоявшую на мостикѣ — поперекъ его и по бокамъ — пѣхоту. Толпа пришла въ замѣшательство. Но первые ряды сейчасъ же сомкнулись, взялись за руки и съ пѣніемъ мужественно двинулись впередъ, къ мостику. Раздался сигналный рожокъ, — обезумѣвшіе, ничего не понимающіе псковскіе солдаты дали залпъ. Помощникъ пристава крикнулъ: „что вы дѣлаете! Какъ можно стрѣлять въ крестный ходъ и портретъ Царя!“ — но черезъ минуту упалъ мертвымъ. Солдаты продолжали стрѣльбу пачками, бѣглымъ огнемъ. Невообразимое смятеніе произошло въ эту минуту, когда повалились люди въ первыхъ рядахъ, роняя образа и хоругви. Убиты были старики, несшіе царскіе портреты, и мальчикъ, несшій церковный фонарь. Ужасные крики неслись изъ толпы. Часть ея разбѣгалась, пряталась по сосѣднимъ дворамъ. Шальныя пули догоняли ее и тамъ. Другая часть, вѣрная клятвѣ не отступать, въ безумномъ порывѣ напирала впередъ. Подкошенные пулями, падая, сшибали другихъ. Га-

понъ тоже упалъ, сбитый съ ногъ онимъ изъ убитыхъ перваго ряда. „Вѣрная стража“, среди общаго смятенія, подхватила его и быстро перебросила черезъ заборъ. Онъ скрылся, никѣмъ не замѣченный. Въ толпѣ пронесся слухъ, что онъ убитъ. Спереди напирала теперь на толпу конница, топтала портреты и хоругви, тѣснила людей, живыхъ, раненыхъ и убитыхъ. Здѣсь пало на мѣстѣ нѣсколько десятковъ, болѣе сотни было ранено. Часть убитыхъ была скрыта полиціей, но многіе выставлены были потомъ, для опознанія, въ больничныхъ мертвецкихъ. Мѣсяцъ спустя жена одного рабочаго, сама не потерявшая въ этомъ дѣлѣ никого изъ близкихъ, разсказывала намъ дрожащими губами, какія у этихъ покойниковъ были „страшныя и удивленныя лица“.

Въ другихъ окраиныхъ частяхъ города, кромѣ Петербургской стороны, отвѣтственные офицеры дѣйствовали мягче и въ солдатахъ замѣтно было болѣе сознательности; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчалась даже нѣкоторая нерѣшительность. Нѣкоторые отдѣлы, шедшіе не такими компактными массами, добрались до Дворцовой площади безъ столкно-

веній съ войсками. Колпинцы имѣли первое объясненіе съ войсками только на Мытнинской, подлѣ Невскаго. Офицеръ просилъ ихъ идти не толпою, а маленькими группами, что они и исполнили. Всѣ думали только о томъ, чтобы добраться до цѣли.

Толпа, шедшая изъ Невскаго отдѣла, безпрепятственно дошла до Шлиссельбургской части. Здѣсь путь былъ перерѣзанъ пѣхотой, за которой стояли казаки. Для объясненія съ толпою вышелъ приставъ и выѣхалъ казачій полковникъ. Толпа остановилась. Предсѣдатель отдѣла Петровъ, шедшій впереди съ другими депутатами, вступилъ въ переговоры съ полковникомъ. „Петровъ объясняетъ ему, — пишетъ одинъ рабочій, свидѣтель, — что мы идемъ смирно, не нарушая никакого порядка, намъ одна дорога — впередъ, назадъ намъ незачѣмъ идти. Послѣ недолгихъ разговоровъ слышимъ ружейный выстрѣлъ, но изъ холостыхъ, за нимъ другой, третій“ . . . Задніе ряды пришли въ смятеніе, побѣжали. Раздались крики: „Товарищи! . . . Стой! . . . Не измѣняйте“. Первые ряды не отступали, многіе изъ бѣжавшихъ возвратились назадъ. Между тѣмъ пѣхота отошла, оставивъ впе-

реди уральскихъ казаковъ. „Толпа подвинулась впередъ, — продолжаетъ тотъ же свидѣтель. — Стали ихъ просить, чтобы пропустили. Офицеръ говоритъ: — пропустить васъ я не могу, вы идете противъ Царя. — Рабочіе говорятъ: Нѣтъ, мы идемъ за Царя, мы только хотимъ вытащить его изъ сѣтей капиталистовъ и казнокрадовъ. — Сколько разъ онъ потомъ хотѣлъ разогнать толпу, но она крѣпко держалась своей заповѣди, которую далъ священникъ: „умремъ, товарищи! шагу нѣтъ назадъ“. Казаки отчаянно махали шашками, нѣкоторыхъ били плашмя, а на другихъ замахивались остріемъ, даже ранили Петрова. Сколько разъ народъ становился на колѣни, и слышны были раздирающіе крики: пощади! и озлобленные крики, съ укоромъ: братоубійцы! опричники! креста на васъ нѣтъ! . . .“ Казаки наѣзжали на толпу, которая продолжала рваться впередъ. Одинъ старикъ изъ первыхъ рядовъ бросился передъ ними на колѣни, умолялъ пощадить народъ. Его смяли лошадьми и ранили шашкой . . . Но въ это время средняя часть толпы проломила ворота въ склады на Неву и, очищая дорогу, устремилась въ городъ по льду, небольшими куч-

ками и вразсыпную, торопясь поспѣть на площадь къ условленному часу.

Съ Васильевскаго Острова почти никто не попалъ на площадь. Столкновеніе съ войскомъ произошло здѣсь скоро послѣ выхода изъ собранія. Неподалеку отъ набережной Невы 4—5 линія была пересѣчена войсками. Стройная, длинная колонна шествія медленно двигалась навстрѣчу имъ и шагахъ въ 25—30 остановилась. Депутаты вышли впередъ и, махая бѣлыми платками, пытались объяснить что-то, кричали убѣждающимъ, умоляющимъ голосомъ. Отрядъ конницы поскакалъ на толпу оттѣсняя ее въ сторону. Пѣхотинцы уже взяли на прицѣлъ. Депутаты разстегнули пальто, подставляя груди. Что-то дрогнуло въ ряду солдатъ, поднявшихъ ружья. Офицеръ быстро распорядился выпустить изъ пѣхоты новый отрядъ казаковъ съ обнаженными шашками. Толпа была смята, отброшена назадъ, оттиснута въ прилегающіе переулки. Пробиться впередъ было невозможно. Толпа разсѣивалась, уводя раненыхъ, часть пошла назадъ къ собранію, другая металась въ негодованіи по улицѣ между отрядами казаковъ. Раздались призывы къ оружію. Молодежь

пошла громить оружейную мастерскую Шаффа. Группа рабочихъ подъ руководствомъ студента, завладѣла типографіей и стала наскоро печатать на ручномъ станкѣ здѣсь же составленную прокламацію. На углахъ ближайшихъ улицъ быстро собирались толпы народа. Въ одномъ мѣстѣ бросились на отрядъ полиціи и отобрали у нея шашки. Выступили ораторы изъ соціалъ-демократовъ. Ихъ слушали теперь: настроеніе необычайно рѣзко измѣнилось. Негодованіе кипѣло въ толпѣ, но руководители не знали, что дѣлать, какой выходъ дать этому негодованію. Послали развѣдчиковъ въ другія части города. На 4-ой линіи стали валить телефонные столбы и строить баррикады.

Выборгскій отдѣлъ шелъ къ Троицкому мосту на соединеніе съ отдѣломъ Петербургской стороны. На большой Дворянской онъ былъ встрѣченъ конницей, которая смяла его быстрымъ натискомъ, съ шашками наголо. Три раза конница прорѣзала его взадъ и впередъ, сшибая и рубя людей. Толпа въ смятеніи разсѣивалась, подбирая раненыхъ, но передняя часть ея быстро шла впередъ, на условленное соединеніе съ товарищами. Въ

это время со стороны Троицкаго моста раздался сигнальный рожокъ и послышались выстрѣлы. Нѣкоторые побѣжали туда, на звукъ выстрѣловъ, и вновь попали подъ шашки. Другіе спѣшили обходными путями ко Дворцу.

Шествіе на Петербургской сторонѣ было чрезвычайно многолюдно и торжественно. Передніе ряды и здѣсь шли крѣпкими цѣпями, взявшись подъ руки, — мужчины и дѣвушки, робочіе и среди нихъ, вмѣстѣ съ ними, взволнованные движеніемъ интеллигенты. Въ толпѣ было нѣсколько гимназистовъ. Шагахъ въ 300 отъ Троицкаго моста, подлѣ парка, толпа завидѣла передъ собою перерѣзавшую ей дорогу пѣхоту. Командовавшій офицеръ пошелъ на встрѣчу и, крикнувъ что-то, замахалъ рукой. Отъ толпы отдѣлились депутаты съ свиткомъ петиціи. Они уже подходили къ нему, показывая знаками, что они безоружены, но вдругъ офицеръ повернулъ назадъ, отбѣжалъ въ сторону на тротуаръ и сдѣлалъ знакъ солдатамъ. Раздался рожокъ и вслѣдъ за нимъ, быстро одинъ за другимъ, три залпа. Многіе изъ бывшихъ въ толпѣ, не сразу поняли, что такое произошло. Падали окровавленные люди. Молодая дѣвушка, — рабочая, шедшая

недалеко отъ стараго отца, истекая кровью, ползала по землѣ и кричала: „папа“ . . . Нѣсколько десятковъ человѣкъ были убиты на-поваль. Уцѣлѣвшіе подбирали раненыхъ, усаживая ихъ на извозчичьи сани. Суетились, помогая, гимназисты. Публика останавливала для перевозки раненыхъ частные экипажи. Одну женщину повезли въ больницу съ простреленнымъ на смерть у нея на рукахъ годовалымъ ребенкомъ. Пули летѣли здѣсь очень далеко и настегли не мало случайныхъ жертвъ. Народъ въ ужасѣ сходился со всѣхъ сторонъ на звуки залповъ, а вслѣдъ убѣгающихъ изъ разстрѣлянной колонны неслась появившаяся съ Дворянской улицы конница, настигала ихъ шашечными ударами и наносила удары даже лежачимъ.

Отсюда, какъ и изъ-за Нарвскихъ воротъ, тоже почти никто не дошелъ до Дворца.

VII.

Во второмъ часу дня по тротуарамъ Невскаго, какъ это бываетъ обыкновенно въ ясные праздничные дни, двигалась огромная толпа народа. Но среди обычной городской публики сейчасъ же бросалась въ глаза масса рабочихъ. Они торопливо шли, кучками и вереницами, въ одномъ направленіи, къ площади Зимняго Дворца. По улицѣ разъѣзжали отряды казаковъ. Чѣмъ ближе къ Адмиралтейству, тѣмъ гуще были толпы и тѣмъ больше было казаковъ. Въ концѣ Невскаго движеніе конокъ было прекращено. Улица была перерѣзана отрядомъ конницы. По Адмиралтейскому проспекту быстро разъѣзжали, тѣсня народъ къ панелямъ, такіе же отряды и группы жандармовъ. На Дворцовой площади была масса войскъ, конницы и пѣхоты. Дворецъ былъ окруженъ пушками. Толпы народа тѣснились

здѣсь къ рѣшеткѣ Александровскаго сада съ одной стороны, къ зданію Генеральнаго Штаба, вплоть до Арки, съ другой. Народъ все прибывалъ, размѣщаясь по обѣимъ сторонамъ Адмиралтейскаго проспекта, и по угламъ Невскаго. Многіе вошли въ садъ и изнутри тѣснились къ его рѣшеткѣ. На вѣткахъ деревьевъ сидѣли взвобравшіеся туда уличные мальчуганы. Въ саду, пользуясь рѣдкимъ солнечнымъ днемъ, играли дѣти, каталась на конькахъ безпечная молодежь. Городской людъ шелъ по своимъ надобностямъ во всѣхъ направленіяхъ и задерживался въ саду или на площади необычайнымъ зрѣлищемъ. Учащаяся молодежь, интеллигенція, кое кто изъ случайной публики смѣшивались съ рабочими.

Настроеніе было сдержанно-возбужденное. Народъ терпѣливо ждалъ появленія Царя. Между рабочими шли тихіе разговоры. Тутъ были лучшіе, самые мужественные изъ нихъ, добравшіеся сюда черезъ всѣ преграды. Иногда эскадронъ конницы проносился съ шашками наголо по Адмиралтейскому проспекту или начиналъ напирать на публику, тѣснившуюся у стѣнъ и рѣшетокъ сада. Тогда въ толпѣ раздавался громкій негодующій ропотъ, крики,

похожіе издали на перекатывающееся „ура“. Около 2 часовъ жандармерія прошлась по Александровскому саду и, небрежно приказавъ нѣкоторымъ группамъ расходиться, заперла всѣ входы и выходы сада, оставивъ тамъ публику. Толпа начинала мѣжду тѣмъ волноваться: съ окраинъ приходили извѣстія о разстрѣлахъ. Но рабочіе упорно ждали Царя. Кто-то сказалъ, что Царя нѣтъ въ С.-Петербургѣ. Большинство не повѣрило. Изрѣдка въ толпѣ раздавались крики: „уберите войско! Вѣдь мы ничего дурного не дѣлаемъ“. Въ одномъ мѣстѣ толстый офицеръ съ краснымъ лицомъ подошелъ къ толпѣ и сказалъ: „Расходитесь! Будутъ стрѣлять“. Слышавшіе это не повѣрили ему и продолжали говорить между собой: „за что же стрѣлять?“

Къ рабочимъ, стоявшимъ у Штаба — это была группа колпинцевъ, — тоже подошелъ офицеръ съ предупрежденіемъ, что будутъ стрѣлять. Ему отвѣтили: „стрѣляйте! мы пришли искать правду“. Вскорѣ изъ группы пѣшихъ войскъ, занимавшихъ середину площади, выдѣлилась рота Преображенскаго полка съ офицеромъ и выстроилась въ двѣ шеренги противъ Александровскаго сада. Публика

смотрѣла съ недоумѣніемъ. Заигралъ горнистъ. Наступила тишина. Всѣ переглядывались. Раздались ободряющіе голоса: „Это такъ . . . . Не можетъ быть“ . . . Горнистъ поигралъ еще разъ и послышалась команда: „цѣлься“. Первый рядъ преображенцевъ опустился на колѣни и взялъ на прицѣлъ. Никто не тронулся съ мѣста, но лица поблѣднѣли, многіе стали креститься. Раздался залпъ — въ народъ, стоявшій у сада, и прямо въ садъ, въ любопытныхъ и въ играющихъ дѣтей. Толпа замерла. Нѣкоторые подумали, что залпъ холостой. Но кругомъ на площади и за рѣшеткой сада валились убитые и раненые. Съ деревьевъ, какъ подстрѣленные воробьи, посыпались мальчуганы. Кто-то громко застоналъ. Часть толпы вдругъ скорчилась, согнулась и побѣжала въ сторону. Солдаты сдѣлали полуоборотъ вправо и дали залпъ по направленію къ Адмиралтейству и къ Дворцовому мосту. Потомъ полуоборотъ влѣво — и залпъ по направленію къ Штабу, въ убѣгающую толпу.

Народъ закричалъ, заволновался. Громкій ропотъ понесся по площади, по Адмиралтейскому проспекту, по Невскому. Шальныя

пули сваливали прохожихъ у самой набережной и за Александровскимъ садомъ у Исакіевскаго собора.

Съ необычайной быстротой распространился повсюду слухъ о происшедшемъ, и холодная толпа петербургскихъ улицъ вдругъ закипѣла гнѣвомъ, забыла всякій страхъ, забушевала. Въ то время, какъ на Дворцовой площади и поблизости отъ нея подбирали, уносили въ сосѣдніе дворы и увозили раненыхъ, а по Гороховой тянулись, одни за другими, извозчичьи сани съ трупами неизвѣстныхъ убитыхъ, народъ съ бѣшенствомъ набрасывался на случайно проходившихъ и проѣзжавшихъ по улицѣ офицеровъ, стаскивалъ ихъ съ извозчиковъ, рвалъ эполеты, вырывалъ шашки. Повсюду раздавались крики: „Убійцы! Кровопійцы! Палачи! отъ японцевъ бѣжите, а въ своихъ стрѣляйте“. По Невскому, по улицѣ Гоголя, по Морской, по Гороховой сновали толпы народа, разгоняемыя, озвѣрѣвшей конницей съ шашками наголо. Народъ бросался бѣжать, прижимался къ стѣнамъ, но сейчасъ же снова смыкался. На всѣхъ перекресткахъ образовались кучки, среди которыхъ говорили случайные ораторы или раздавался громкій

ропотъ, слышались озлобленные голоса: „Пулями угостили! . . .“

По Невскому и Гороховой все еще везутъ раненыхъ и убитыхъ. Толпа отнимаетъ покойниковъ у полиціи и переноситъ ихъ къ Казанскому Собору съ криками: „Шапки долой!“, „На колѣни передъ мучениками!“ Въ одномъ мѣстѣ Невскаго толпа, отнявъ три трупа у полицейскихъ, кладетъ ихъ на снѣгъ и, опустившись на колѣни, поетъ „Со святыми упокой“. Конница карьеромъ несется на поющихъ и разбрасываетъ ихъ въ стороны, но они сейчасъ же опять собираются. Въ другомъ мѣстѣ несутъ трупъ рабочаго съ пѣніемъ молитвы, смѣняющейся революціонной пѣсней. Два студента съ обнаженными головами везутъ убитаго товарища . . . А въ это время пѣхота уже даетъ залпъ по толпѣ у Полицейскаго моста. Околодочный на Гороховой, видя какъ народъ избиваетъ офицера, стрѣляетъ куда попало изъ револьвера. На Морской, у Арки, и на Пѣвческомъ мосту кавалерія бросается впередъ и рубитъ народъ шашками, раскраиваетъ черепа, не щадя ни женщинъ, ни случайныхъ прохожихъ. Стрѣляютъ недалеко отъ Думы . . . .

Небывалое, невиданное зрѣлище представлялъ собою въ это время Петербургъ. И какъ бы въ довершеніе фантастической картины бунтующаго города, на затянувшемся бѣлесоватой мглою небѣ мутно-красное солнце давало въ туманѣ два отраженія около себя, и глазамъ казалось, что на небѣ три солнца. Потомъ, въ 3-емъ часу дня, необычная зимою яркая радуга засвѣтилась въ небѣ, а когда она потускнѣла и скрылась, поднялась снѣжная буря. И народъ, и войска были въ это время въ какомъ-то неистовствѣ. На Полицейскомъ мосту вновь и вновь раздавались залпы пѣхоты: вдоль по Невскому, въ ту и другую сторону, въ обѣ стороны по набережной Мойки и даже на ледъ ея, куда прыгали, спасаясь отъ пуль, обезумѣвшіе люди. Стрѣляли и въ моментъ затишья, въ небольшую кучку людей, прижавшуюся къ дому Строганова, и въ толпу, бросавшую камни вслѣдъ проѣзжающему офицеру. Народъ находился здѣсь въ это время въ состояніи какого-то трагическаго разгула. Шиканье, гоготанье, свистки, яростныя ругательства войскамъ неслись со всѣхъ сторонъ. На льду Мойки плясало нѣсколько подростковъ. Мальчишки кричали „Урра, побѣдители! . . .

Урра!“ и съ хохотомъ бѣжали вслѣдъ за проѣзжавшимъ въ это время коннымъ отрядомъ, осыпая его насмѣшками. Даже выстрѣлы встрѣчались теперь смѣхомъ, руганью и издѣвательствами. Нѣкоторыя, распахивая пальто, подставляли грудь подъ дула ружей. „Я никогда не видѣлъ подобнаго настроенія толпы и не думалъ, что при такихъ условіяхъ оно возможно, но въ то время я не находилъ въ этомъ ничего страннаго“, пишетъ одинъ свидѣтель.

Становилось уже темно. Буйство толпы сосредоточилось въ центрѣ города. На окраинахъ было тихо, и кучки казаковъ и уланъ, шпіоновъ и городовыхъ набрасывались на студентовъ, избивали и топтали ихъ ногами; хватали, колотили шашками и тащили въ участокъ рабочихъ. На Васильевскомъ Островѣ, по Малому проспекту, сооружались неискусныя баррикады. На 4-ой линіи баррикады были уже разобраны: отрядъ пѣхоты безъ труда справился съ ихъ защитниками, сбросивъ однимъ залпомъ оратора, говорившаго рѣчь къ солдатомъ, и знаменосца, высоко поднимавшаго красный флагъ соціалъ-демократіи. Борьба была здѣсь слишкомъ не равная. Маленькія

кучки рабочихъ восторженно кричали: „товарищи! умремъ за свободу!“ и мужественно подставляли себя подъ пули.

Положеніе наиболѣе сознательныхъ и, особенно, партійныхъ рабочихъ, также какъ и интеллигенціи, не сливавшейся съ бунтующей народной стихіей, было въ это время по истинѣ трагическимъ. Въ редакціи „Сына Отечества“, куда, словно по сговору, ежеминутно притекала съ Невскаго все новая публика и приходили изъ разныхъ частей города рабочіе за справками о томъ, что гдѣ происходитъ, виднѣлись со всѣхъ сторонъ воспаленныя измученныя лица, и всѣ говорили вполголоса. Вошедшій съ улицы хорошо одѣтый рабочій молча озирался нѣкоторое время, потомъ обратился къ группѣ литераторовъ: „Позвольте попросить у васъ совѣта — сказалъ онъ, — что дѣлать интеллигенціи?“ — „Интеллигенціи? какъ?“ — Да, да, рабочей интеллигенціи, намъ. Всѣ измучились. По домамъ что-ли расходиться!“ — Литераторы смутились и не нашли подходящаго отвѣта.

Вечеромъ было большое шумное собраніе интеллигенціи въ помѣщеніи Вольно-Экономическаго Общества. Читалось вслухъ воззваніе

„къ офицерамъ, не принимавшимъ участія въ бойнѣ 9-го января“ и собирались подписи подъ нимъ. Читалось первое письмо Гапона къ рабочимъ. Говорили о вооруженіи, о митингахъ, послали людей въ театры съ требованіемъ закрыть ихъ. Но и здѣсь чувствовалось душевное смятеніе, растерянность, отсутствіе объединяющаго лозунга, оторванность отъ толпы.

А толпа не спрашивала, что ей дѣлать. Рабочіе, пережившіе страшный день, уже разбредались по своимъ окрайнамъ, но на Невскомъ до поздняго вечера шумѣла городская толпа. Въ одномъ мѣстѣ зажгли кіоски, въ другомъ ломали фонари. Кое гдѣ слышались революціонныя пѣсни. Во дворцѣ Сергѣя Александровича били камнями стекла. Кавалерія помчалась опять разгонять толпу, — карьеромъ взадъ и впередъ. Толпы ремесленниковъ, мастеровыхъ, мальчишекъ, встрѣчали и провожали ее дружнымъ ревомъ, вылетавшимъ словно изъ одной груди: „Братоубійцы! Братоубійцы!“ Подростки гнались за ней и безстрашно шныряли подъ самыми лошадьми.

На Петербургской сторонѣ и Васильевскомъ Островѣ хулиганы безпрепятственно громили

магазины. Разъѣзды гонялись на Островѣ за маленькими кучками народа и одинако идущими людьми, рубили шашками, стрѣляли въ спину бѣгущимъ, избивали дѣтей, врывались въ частныя квартиры.

Ночью городъ производилъ впечатлѣніе завоеваннаго непріятелемъ. На площадяхъ расположились пикеты. Пылали яркіе костры. На улицахъ царила мертвая тишина.

VIII.

Три дня продолжались въ городѣ безчинства казачьихъ и вообще кавалерійскихъ разъѣздовъ. Но на всѣхъ перекресткахъ, несмотря на постоянныя аттаки кавалеріи, продолжали собираться толпы. Повсюду слышалась откровенная критика властей и порядковъ, юмористическія замѣчанія по адресу проѣзжающихъ войскъ: „Что, храбрый народъ! Хорошо съ безоружными сражаетесь!" „Ей, псковичи! бейте москвичей". На Невскомъ, недалеко отъ Думы, подлѣ колоніальнаго магазина Романова, гдѣ на стѣнѣ и панѣли виднѣлась еще запекшаяся кровь, слышались злыя народныя шутки: „Вчера на этомъ мѣстѣ тутъ живой кровью торговали" . . . Въ пятомъ часу дня, 10-го, на Невскомъ и многихъ другихъ улицахъ внезапно потухло электричество и произошла паника. Прошелъ слухъ, что скоро закроютъ водопроводъ. Слухи — правдо-

подобные и неправдоподобные, совершенно фантастическіе, — продолжали рости, волнуя воображеніе. Магазины были закрыты, многіе забиты досками. Болѣе робкіе обыватели не рѣшались выходить изъ дому. Но улица и во мракѣ продолжала жить необычною, возбужденною жизнью, впервые взволнованная, словно пробужденная отъ вѣковой внутренней спячки. Во мракѣ словно еще громче, еще сильнѣе раздавались человѣческіе голоса. Приказчики, ремесленники, извозчики произносили уже не тѣ слова, съ которыми еще наканунѣ рабочіе двигались изъ отдѣловъ. Въ городѣ было шумно и жутко. Только передъ больницами, гдѣ съ утра до ночи толпился народъ, стояла гробовая тишина; люди пришли искать своихъ — ранеными или убитыми, но не могли ихъ доискаться. Часть труповъ тщательно скрывалась администраціей въ какихъ-то больничныхъ сараяхъ, куда можно проникнуть только за подкупъ. Многимъ бѣднякамъ не удалось увидѣть своихъ покойниковъ: полиція вывезла и похоронила ихъ въ братскихъ могилахъ Преображенскаго и Успенскаго кладбища въ 3 ч. ночи, обманувъ публику, допытывавшуюся о времени похоронъ. На Смо-

ленскомъ кладбищѣ приказано было похоронить убитыхъ до обѣдни. Только на Митрофаньевскомъ кладбищѣ похороны убитыхъ за Нарвской заставой происходили открыто, при стеченіи десятитысячной рабочей толпы, въ присутствіи полиціи и войскъ. Ораторы произносятъ надъ могилою рѣчи, призывая къ мести за невинно пролитую кровь. Изъ толпы кричатъ солдатамъ: „Шапки долой, палачи!" и угрюмые солдаты, въ присутствіи своего начальства, покорно исполняютъ это требованіе толпы. Многіе рабочіе просили писать на могильныхъ крестахъ родственниковъ: „невинно убіенный 9-го января". Администрація приказывала стирать эти надписи.

Внѣшная жизнь въ городѣ скоро стала входить въ обычную колею. Обыватели пережили бурю, въ нѣкоторыхъ душахъ остался слѣдъ отъ нея, но эта буря не затронула ихъ интересовъ. Тревоги интеллигенціи, аресты, производившіеся среди нея, не касались толпы и не волновали ея. Но на рабочихъ окраинахъ, создавшихъ движенье, разыгрывалась въ тѣ дни настоящая глубокая драма. Гапона больше не было. Предсѣдатель отдѣловъ, молодой, всѣми любимый рабочій Васильевъ былъ убитъ. Другіе руководители отдѣловъ были арестованы. Массовые аресты производились по всѣмъ фабричнымъ районамъ. Не только тюрьмы, но и помѣщенія при полицейскихъ частяхъ были переполнены арестованными. Самые отдѣлы были закрыты, запечатаны; кассовыя книги, кое гдѣ самыя кассы, библіотеки отдѣловъ, куда рабочіе жертвовали

свои годами собранныя книжки, были унесены полиціей. Рабочей массѣ негдѣ было больше собираться, не у кого спросить совѣта и разъясненія по многимъ вопросамъ, вставшимъ въ умѣ. Старыя вѣрованія были разбиты, и темнимъ, полусознательнымъ людямъ некуда было съ надеждою обратить взоры. Забастовка продолжалась еще нѣсколько дней, но становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Многія тысячи, собранныя въ эти дни интеллигенціей, раздробляясь на десятки тысячъ нуждающихся, превращались въ гроши. Въ семьяхъ начинался голодъ и гналъ на работу, на ненавистные фабрики и заводы, гдѣ все еще стояли войска.

Негодованіе и злоба мучили всѣхъ, обращаясь временами, у болѣе темныхъ людей, не туда, куда слѣдовало. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ готовы были обвинять во всемъ студентовъ, интеллигенцію, которой и раньше не довѣряли, или вожаковъ движенія, „показателей пути истинной", какъ они называются въ одной записи. Другіе съ первыхъ же дней затаили въ душѣ великое возмущеніе противъ правителей, жажду мести и борьбы. Въ болѣе мягкихъ и вдумчивыхъ людяхъ происходилъ

глубокій психологическій и умственный процессъ, заново пересматривались всѣ представленія о жизни. Вмѣстѣ съ чувствомъ горечи, разочарованія, обиды, главное — обиды, о которой говорятъ многія записи, въ душѣ шевелилась мысль о значеніи рабочей массы, сознаніе совершеннаго ею подвига, ея пріобщенія къ міровой исторической борьбѣ. „Въ больницѣ, когда очнулся, душа кипѣла обидой, и была даже гордость, что мы значущіе люди, и думается мнѣ, что это только начало значенія", сообщаетъ одинъ рабочій. Другой пишетъ о настроеніяхъ массы нѣсколько дней спустя, уже послѣ объявленія отъ Св. Синода: „Правительство насильно заставила отцовъ смиренныхъ принять въ дѣлѣ участіе съ прибавленіемъ, что Японія прислала 18 милліоновъ на забастовки. Отпечатаны книжки подъ изданіемъ Богдановича „Русскимъ рабочимъ", но книжки вызвали смѣхъ и отвращеніе . . . Рабочіе твердо убѣждены, что все это не зря пройдетъ; хотя требованія не всѣ удовлетворятъ, но день 9 января останется у всѣхъ въ памяти, даже будетъ историческимъ событіемъ". У многихъ была мысль, что нужно еще разъ „идти": „сначала опять мирно,

а потомъ уже на-проломъ". Никѣмъ не избранная депутація къ Царю тоже заставила рабочую массу о многомъ передумать. „Вотъ раздался всѣмъ неизвѣстный слухъ, что будто Царь потребовалъ какую-то депутацію, — пишетъ простодушнымъ языкомъ одинъ свидѣтель. — И они пошли, а когда пришли, то стали разсказывать, что видѣли и что слышали, и народъ удивляется и говоритъ: а можетъ, и будетъ что! Но черезъ нѣсколько времени они стали говорить: а кто выбиралъ ихъ, не знаемъ! Такъ это не наши рабочіе и мы знать не хотимъ, что они . . . Тутъ многіе разругались и не признавали ничего — ни депутатовъ, ни правительства". Болѣе того, рабочіе не признали помощью пожертвованныя свыше въ пользу семей пострадавшихъ 50 000 р. Они называли ихъ „цѣною за кровь" и считали грѣхомъ пользоваться ими. „И вотъ опять начинаетъ являться озлобленіе противъ правительства, — пишетъ одинъ свидѣтель въ заключеніе своихъ замѣтковъ. — И услышавъ, что многіе опять забастовали, всѣ готовы снова забастовать и настроены такъ: лишь бы только пойти. Сказать „идемъ!" — и всѣ бы пошли".

Таково было настроенiе петербургской рабочей массы въ половинѣ февраля. Она была уже безконечно далека отъ тѣхъ трогательныхъ и наивныхъ чувствъ, которыя привели ее на площадь Зимняго Дворца. Въ ней быстро крѣпло самосознанiе, развивалось критическое отношенiе ко всему происходящему и созрѣвала идея „идти на проломъ“.

Л. Гуревичъ.

40. Запрещенн. стихотворенія (Verbotene Gedichte) . 1,20 Мар.
41. Софія Перовская (Perowskaja) . . . . 1,20 „
42. **Л. Н. Толстой,** Къ рабоч. нар. (Tolstoi, An d. arbeit. Volk) 1,50 „
43. Политическая безпринципность С. Ю. Витте (Politische Prinzipienlosigkeit Witte's) . . . . . . 2,— „
44. **А. Герценъ,** Заговоръ 1825 года (Verschwörung) . . —,80 „
45. **К. Марксъ,** Гражданская война во Франціи (Der Bürgerkrieg in Frankreich) . . . . 2,— „
46. Какъ царь Ахреянъ ходилъ Богу жаловаться (Wie der Zar zu Gott klagte) . . . . —,80 „
47. **Л. Н. Толстой,** Противъ войны (Gegen den Krieg) . 1,— „
48. Третье отдѣленіе (Die dritte Abteilung) . . . . . —,80 „
49. Отъ розги къ желт. билету (V. d. Peitsche z. gelb. Billet) 1,20 „
50. **А. Амфитеатровъ,** Господа Обмановы II (Obmanow II) 1,— „
51. Шутки самодержавной бюрократіи (Komik) . . . 1,— „
52. Очередной вопросъ революціоннаго дѣла (Eine aktuelle Frage der Revolution) . . . . 1,50 „
53. Константинъ Константиновичъ (Konstantin Konstantinowitsch) . . . . 1,— „
54. **Д-ръ Эльцбахеръ,** Анархизмъ (Anarchismus) . . . 5,— „
55. **Л. Н. Толстой,** Возстановленіе ада (Aufersteh. der Hölle) 1,20 „
56. —, Обращеніе къ духовенству (Geistlichkeit) . . 1,20 „
57. Саратовская демонстрація (Saratower Demonstrat.) 1,50 „
58. Шутки русской жизни (Anekdoten) . . . . 1,— „
59. Подъ розгой (Unter der Knute) . . . . 1,— „
60. Горе Натальи (Nataliens Unglück) . . . . 1,— „
61. Радостное извѣстіе (Eine glückliche Nachricht) . . 1,— „
62. Похожденія русскаго духовенства (Das Treiben der russischen Geistlichkeit) . . . . 1,50 „
63. Ненастоящая тюрьма (Das Gefängnis) . . . . . 1,20 „
64. Всходы (Neue Triebe) . . . . 1,75 „
65. Записки князя Трубецкаго (Trubezki Memoiren) . 1,50 „
66. Спорное дѣло (Ein streitiger Punkt) . . . . . . 1,— „
67. **Д-ръ Лео,** Почему и какъ мы приближ. къ анархіи (Anarchismus) . . . . 2,— „
68. **Н. Щедринъ,** Какъ высѣкли дѣйствительн. статск. совѣтника (Staatsrat) . . . . 1,60 „
69. —, Три сказки для дѣтей (Drei Geschichten) . . 1,20 „
70. **И. С. Тургеневъ,** Попъ (Der Pope) . . . . 1,— „
71. **М. Горькій, Вл. Короленко, Л. Н. Толстой,** Запрещенные очерки (Drei verbotene Erzählungen) . . . . . 1,60 „
72. **Н. Щедринъ,** Новыя сказки для дѣтей (Drei Märchen) 1,60 „
73. **Л. Н. Толстой,** Къ политическимъ дѣятелямъ (Politiker) 1,— „
74. **М. А. Бакунинъ,** Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ землямъ (An die slavischen Länder) . 1,20 „
75. **М. Горькій,** Протестъ, **Л. Н. Толстой,** Письма по поводу Кишинева, **В. Короленко,** Домъ № 13 (Kischinew) 1,50 „
76. ***, Новыя революціонныя стихотворенія (Neue revolutionäre Gedichte) . . . . 1,20 „
77. **М. Горькій, Л. Н. Толстой, Н. Щедринъ,** Три революціонныя сатиры (Drei Satyren) . . . . 1,20 „
78. **Н. Щедринъ,** Развеселое житье (Fröhliches Leben) . 1,80 „
79. —, Письма къ тетенькѣ (Briefe an die Tante) . . 1,20 „

80.	**А. К. Толстой,** Сонъ Статск. Сов. Попова (Der Traum)	1,—	Мар.
81.	Народная воля (Der Volkswille)	1,60	„
82.	Земля и воля (Land und Freiheit)	2,50	„
83.	**М. А. Бакунинъ,** Всесвѣтный революціонный союзъ соціальной демократіи (Bakunin, Die Allianz)	2,—	„
84.	**А. К. Толстой,** Бунтъ въ Ватиканѣ (Tolstoi, Aufstand)	1,—	„
85.	Народная воля (Der Volkswille III)	1,60	„
87.	Унтеръ-офицеръ (Unteroffizier)	1,80	„
88.	Сказаніе о несправедл. царѣ (Vom ungerecht. Zaren)	2,—	„
90.	**Л. Н. Толстой,** Государство и Церковь (Staat u. Kirche)	1,—	„
91.	**А. Герценъ,** Отрывки изъ „Былого и Думъ" (Gedanken)	1,60	„
92.	**А. С. Пушкинъ,** Гавриліада (Gabriliade)	1,—	„
93.	Воспоминанія русск. революціонер. (Erinnerungen)	2,—	„
94.	**Н. Г. Чернышевскій,** Научились ли? (Haben wir es gelernt?)	1,—	„
95.	**Шевченко,** Марія (Marie)	1,—	„
96.	**Ж. Кенанъ,** Жизнь политическихъ арестантовъ въ русск. тюрьм. (Das Leben d. politischen Gefangenen)	1,60	„
97.	За вѣру, царя и отечество (Für Zar und Glauben)	2,—	„
98.	**М. Бакунинъ,** Воззваніе къ славян. (Aufruf a. d. Slaven)	1,50	„
99.	**А. С. Пушкинъ,** Царь Никита (Zar Nikita)	1,—	„
100.	**А. Герценъ,** Михаилъ Бакунинъ и польское дѣло (M. Bakunin und der polnische Aufstand)	1,20	„
101.	**В. Короленко,** Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ (Erinnerungen an Tschernischewsky)	1,50	„
102.	Высочайшие амуры (Allerhöchste Liebschaften)	1,—	„
103.	**М. Бакунинъ,** Рѣчи на конгрессѣ Лиги Мира и Свободы (M. Bakunin, Reden)	1,50	„
104.	Липочка-Поповна (Lipotschka)	2,—	„
105.	**П. Алисовъ,** Богдыханъ Никулангъ-сю (Nikolang-Sju)	1,50	„
106.	Конституція графа Лорисъ-Меликова (Konstitution)	2,—	„
107.	Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости (Das Leben in der Schlüsselburger Festung)	3,—	„
108.	Война 1904 года (Der Krieg 1904)	3,—	„
109.	**Кн. Г. Волконскій,** Записка (G. Wolkonsky, Memoiren)	2,—	„
110.	Первый юбилей Николая II (Nikolaus der Zweite)	1,50	„
111.	**Л. Н. Толстой,** Объ общественномъ движеніи въ Россіи (Zur sozialen Bewegung in Russland)	1,—	„
112.	Фавориты Екатерины II (D. Favoriten Katharina II)	1,50	„
113.	**М. Маньковскій,** Сорокъ дней передъ казнями (Vierzig Tage vor der Todesstrafe)	1,60	„
114.	**В. Д. Коргановъ,** Русская революція (Russ. Revolution)	1,—	„
115.	**Л. Н. Толстой,** Конецъ вѣка (Ende des Jahrhunderts)	2,—	„
116.	**Н. К. Михайловскій,** Воспоминанія (Memoiren)	1,—	„
117.	**Г. Гершуни,** Разрушенный молъ (Der zerstörte Wall)	1,—	„
118.	Священникъ Гапонъ (Der Pope Gapon)	1,20	„
119.	Тайн. документы вост. политики (Geheimdokumente)	1,20	„
120.	**А. Машицкій,** Въ огнѣ (Im Feuer)	2,50	„
121.	**М. И. Грантъ,** Продѣлки Графа Витте (D. Schelm Witte)	1,—	„
122.	**Н. К. Михайловскій,** Революц. статьи (Revolut. Artikel)	1,20	„
123.	Передъ разсвѣтомъ (Vor Sonnenaufgang)	3,—	„
124.	Александръ III и констит. (Alexander III u. d. Konst.)	1,—	„
125.	Мститель (Der Rächer)	1,—	„
126.	Народное движеніе въ Петербургѣ (Der 9. Jan. 1905)	1,60	„

Rosenthal & Co., Berlin S O . Rungestr 20

